

Лариса Печенежская

Танцующие под дождем

Том II

Лариса Печенежская

Танцующие под дождем. Том II

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=63470687

ISBN 9785005189370

Аннотация

Это непростая история русской девушки и босса одного из кланов сицилийской мафии, которые бросили вызов жестоким обстоятельствам жизни во имя любви. Их путь друг к другу был трудным. Дайане и Бретту пришлось столкнуться с опасностями, женским коварством, подлостью и предательством, почувствовать на себе дыхание смерти, убедиться, что дружба может не пройти проверку властью и деньгами, вступить в борьбу со злом ради своих чувств.

Содержание

От автора	5
ТОМ II	6
Глава 18. БРЕТТ	6
Глава 19. ДАЙАНА	35
Глава 20. БРЕТТ	54
Глава 21. ДАЙАНА	78
Глава 22. БРЕТТ	98
Конец ознакомительного фрагмента.	123

Танцующие под дождем. Том II

Лариса Печенежская

© Лариса Печенежская, 2020

ISBN 978-5-0051-8937-0 (т. 2)

ISBN 978-5-0051-8939-4

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

От автора

Данная книга – результат авторского воображения. Все описанные места, названия организаций, происшествий, события, персонажи, их характеры и судьбы являются художественным вымыслом. Любые совпадения с реальными фактами, биографией, именами, личными данными или обстоятельствами других людей, ныне здравствующих или умерших, – случайны, и автор не несет за них ответственности.

ТОМ II

Глава 18. БРЕТТ

Матерь божья, я был готов увидеть, что угодно, но только не Дану в позе, которая до сих пор стоит у меня перед глазами. Избавлюсь ли я когда-нибудь от этого видения?

Бесит еще и то, что Амато увидел ее, как только ворвался в комнату. Если бы я первым зашел в нее, этого бы можно было избежать. Если бы... От предположений легче не становилось.

Я был готов убить Армана Кавелье. И убил бы, не задумываясь. Если бы не Дайана. Опять «если бы...». Что-то я сам изменяю себе: принимаю решения с оглядкой на женщину.

Понимаю, что, оставив Армана в живых и унизив его в его собственных глазах и глазах тех, кто придет ему на помощь, приобретаю в его лице злейшего врага, который не успокоится, пока не отомстит. Причем, так, чтобы мало мне не показалось.

Его изощренный ум не успокоится, пока не достигнет желаемого. В этом я не сомневаюсь. А вот Дана не знаю, о чем думала, когда приняла столь не обдуманное решение. Конечно, для нее убийство человека – непростительный грех, но я-то знаю, что оно иногда – вынужденная мера, которой нельзя

пренебрегать.

Я не стал расстраивать ее своими предположениями относительно Армана. Не все так просто, как ей кажется. Но речку вспять не повернуть. Его, наверное, уже освободили, и он изрыгает на окружающих слюной злобы и ненависти ко мне. Еще бы! Большого позора в своей жизни ему переживать не приходилось. И виновен в нём я. По его мнению. Ведь он себя виноватым в случившемся не считает. Больной на голову мудак.

Но Арман одна из причин, из-за чего в моей душе воцарился такой беспорядок. Другая – внутреннее состояние. Вроде все как обычно, а внутри – как через мясорубку. Я понимаю, что существует только один путь к спокойствию: прекратить переживать о тех вещах, которые нельзя изменить. Но не могу. Не получается – и всё. Вырезать бы мне в мозгах тот участок, который запечатлел, как на снимке, голую Дану с вибраторами и выжег слова Армана о ее оргазмах.

В машине я вёл себя, как урод. Знаю, но... не удавалось мне себя взять в руки и не реагировать. Хоть убей! Внутри всё кипело, бурлило... Брезгливость ко всему увиденному, отвращение, ярость и ненависть, сочувствие и любовь сплелись в один клубок, перемешались между собой, и трудно было в душе определить, какое из чувств преобладает.

Правда, в конце поездки мне стало немного легче. Возможно, Дана привела меня в относительную норму, потребовав остановить машину, чтобы выйти. Мне понятно ее него-

дование моим поведением. Вместо того, чтобы сосредоточить свое внимание на ней, я сидел и упивался жалостью и сочувствием к себе. Словом, толстокожий урод.

А потом я признал, что меня без нее не существует. Теперь, когда она вошла в мою жизнь. И, действительно, это так. Это были не просто слова, а истина.

В какую-то секунду в моем мозгу промелькнула очень умная мысль: оставь мутную воду в покое, и она станет чистой и прозрачной. И я прислушался к ней. Тотчас мне безумно захотелось поцеловать мою девочку, тем более ее губ не касался Кавелье.

Мать твою, неужели, прикасаясь к ней, я теперь постоянно буду думать о том, прикасался ли к ней в этом месте грёбаный осториканец? Так можно и с ума сойти. А что станет с моими чувствами к Дане? Выдержат ли они подобное испытание?

Ведь, главное, он не изнасиловал ее в традиционном понимании этого слова. А если бы это произошло? Я бы отказался от женщины, которую уверял в своей любви?

Возмущение неожиданно поднялось в моей душе. Я почувствовал себя предателем за подобные мысли. Будучи человеком чести, я должен сегодня же решить, останемся мы с Даной вместе или же отпущу ее.

И почему не существует предохранительной плёнки? Наклеил бы ее на сердце, чтобы было на произошедшее плевать, — и всё.

Что же, некоторым людям суждено влюбиться в друг друга, но не суждено быть вместе. Господи, ну что за глупости в голову лезут! Нельзя же все на свете брать в голову, на что-то можно и наплевать, иначе и свихнуться недолго.

Ничего ведь необратимого в нашей жизни не произошло. Дана вернулась живая. Это главное. А ведь могло всё закончиться намного хуже. Так что я должен быть благодарен судьбе за то, что мы с нею вышли из ситуации с малыми потерями.

Слишком много и долго я переживаю. Seriously. Надо относиться ко всему проще. Но с умом. Без нервов. Главное думать. И не делать глупостей.

Ведь я прекрасно понимаю, что прошлое – это поезд, который уже ушел. Будущее – это мечта, но еще не известно, сбудется ли она. А настоящее – это подарок жизни. Поэтому нужно жить настоящим с надеждой на будущее и с опытом прошлого!

Правильнее всего не копаться в грязном белье похищения, а сделать надлежащие выводы из того, что случилось с Даной. В этом нет ее вины. Никакой. Это я легкомысленно отнесся к ситуации с Арманом и не обеспечил ей надлежащую защиту. Тем более после того, что произошло «У Джованни».

Это ей нужно презирать меня за то, что я не сдержал слова и не уберег ее от этого извращения. Это был мой долг. Женщина должна чувствовать и ощущать любовь, а не слушать

о любви... Красиво говорить умеют все, а красиво любить не многие...

Да, облажался я серьезно, а теперь еще и корчу из себя оскорбленную добродетель. Не нужно в жизни искать ни плюсов, ни минусов – их и так полно. Нужно радоваться плюсам и переживать минусы. Достойно.

Пока я сидел в патио и размышлял черт знает, о чем, бутылка вина опустела, Дана, по-видимому, давно приняла душ и видит пятый сон, а я упиваюсь жалостью к себе, как баба. Хорош, нечего сказать!

В конце концов я решил: если проблема решаема – нечего ею грузиться, а если проблема не решаема – тем более нет смысла париться, ведь переживания ничего не изменят.

Придя к соглашению с самим собой, я поднялся в спальню. Осторожно, чтобы не разбудить Дану, я включил ночник. Каково же было мое удивление, когда кровать оказалась пуста. Паника накатила на меня удушающей волной. Мне стало страшно, как никогда в жизни.

Я выскочил в коридор и бегом помчался в гостевую комнату. Она лежала спиной к двери. Увидев ее, свернувшуюся в постели клубочком, мое сердце защемило от нежности. На носочках я тихо подошел к кровати и, перегнувшись, попытался заглянуть в ее лицо.

– Я не сплю, – тихо прошептала Дана. – Ты уже не обижаешься на меня?

– Настоящий мужчина никогда не обижается на женщину!

Он просто ждёт, когда она успокоится и продолжает любить её дальше! – сказал я, лишь бы успокоиться. Сердце продолжало выпрыгивать из моей груди.

– Красивые слова, но... знаешь, вёл ты себя не так. Сначала я смотрела через открытое окно в самое сердце ночи – и вдруг задохнулась от мысли, что ты будешь где-то далеко бродить в поисках счастья... Но уже без меня...

– Не говори глупостей, – не выдержал я. – Никуда я тебя не отпущу и никому не отдам. Ты моя.

– Это не глупости, – возразила Дана. – Я легла спать – и тут началась эта безумная карусель воспоминаний о тех ошибках и глупостях, которые я когда-либо совершала. Вроде бы и спать хочу, а уснуть не могу, а все из-за того, что мысли изнутри разрывают. Одна другой острее, одна другой больнее. Особенно о том, что со мной сделал Арман.

Дана замолчала, обдумывая что-то, а потом опять заговорила:

– За что мужчины надо мной совершают насилие? Это будет постоянно случаться со мной? – спросила она, приподнявшись в кровати и пристально глядя мне в глаза. Боже, какая боль звучала в её голосе и плескалась в её взгляде!

Что я мог на это ответить? Не знаю. По-видимому, такова в этой жизни ее карма. А, возможно, это бред собачий и имеет место быть простое стечение обстоятельств, не имеющих между собой никаких закономерностей. Ведь в нашей жизни много происходит того, чего мы не понимаем и объяснить

не можем, сколько бы вопросов на эту тему не задавали себе или другим. Я не нашелся, что сказать ей, кроме этого:

– Переживать о том, что было вчера, не стоит, потому что это уже случилось, и о том, что будет завтра, – тоже, потому что этого может и не случится.

– Может, ты и прав, только очень сложно избавиться от этих мыслей. Я бываю счастливой... До безумия счастливой... с тобой. А в промежутках между этим безграничным счастьем, вот как сейчас, бываю самым несчастным человеком на свете. Хочется напиться и хоть на миг забыться! Хочется выплакать все обиды, горечь и боль с души! Хочется кричать так, чтоб наконец услышали и поняли!

– Алкоголь не поможет. Он только временно притупит бушующие в твоей душе чувства, а завтра проснешься – и боль скрутит тебя опять.

Дана взяла меня за руку и усадила рядом с собой. Положив голову мне на колени, она выдохнула из себя с такой горечью, что мне стало трудно дышать:

– Проблемы легче пережить, когда находишься в гармонии с самим собой и сложнее, когда это не так... Я так люблю равновесие и покой души, но жизнь меня то возносит ввысь, то ударяет плашмя о землю... чаще лицом в грязь.

– Ох, – тяжело вздохнула она, – попрощаться бы со всеми переживаниями и закрыть перед их носом дверь... Так нет же, придут ночью обратно, украдут сон и до утра спать не будут давать.

– Не позволяй своим эмоциям и трудностям загонять тебя в угол, – посоветовал я, пропуская сквозь пальцы шёлк её волос. – Трудности делают человека сильнее.

– Легко сказать. Иногда так хочется иметь сердце, как у Снежной Королевы, чтобы ничего не чувствовать, – услышал в ответ дрогнувший от отчаяния голос. – Когда человеку плохо, ему говорят: «Трудности делают нас сильнее», а так хочется, чтобы в жизни происходили такие события, которые делали бы нас слабее и добрее, заставляя таять от любви, нежности и счастья.

– Девочка моя, ты должна не копать, а выйти из цейтнота своего уныния. То, что случилось с тобой, не самое страшное в жизни. Это мы вместе переживем. И даже более худшее пережили бы. И я прошу тебя на будущее: как бы трудно тебе не было, никогда не меняй красоту своей живой души на мертвый холод камня. Даже если тебя сломали – прорастай заново. Я знаю, ты на себе прочувствовала, что ветер жизни может быть очень свиреп, но, согласишься, в целом жизнь хороша. И не страшно, когда приходится есть черный хлеб, поистине страшно, когда становится черной душа. Поэтому береги в своей душе свет и тепло. В тебе же так много хорошего!

– Спасибо... но мне не нужен тот, кто видит во мне только хорошее, мне нужен тот, кто видит во мне и плохое, но при этом все еще хочет быть со мной.

– Не понял, к чему ты это сказала. Я хочу быть с тобой

и только с тобой. Ты хочешь, чтобы я перечислил, что есть в тебе плохого? Впрочем, ничего плохого я в тебе не вижу, а вот о твоих недостатках можем, если хочешь, поговорить.

– Нет, – засмеялась Дана, – не хочу. Как-нибудь в другой раз. А то, что ты сказал мне минутой ранее, я поняла. Это из серии «Неси свой крест! Не говори, что тяжело: кому-то в этот миг в сто раз сложнее». Когда-то где-то прочила эти строки, и они мне запомнились. Может, и так. Но мне ведь от этого не легче. Не хочу нести крест ни свой, ни чужой. И буду говорить, что мне сейчас тяжело, и не просто тяжело, а пипец, как хреново.

– Я что-то не понял последних слов.

– А ты и не мог их понять: я произнесла эти слова по-русски.

– А что они обозначают?

– Крайнюю степень паршивости.

– А ты знаешь, как я справляюсь со своими проблемами?

Я замолчал в ожидании ответа от Даны, но она ничего не сказал, только покачала головой.

– Рассказать? – спросил я, не будучи до конца уверенным, что ей это будет сейчас интересно. Однако моя малышка кивнула, удобнее укладываясь на моей груди, поскольку я как-то незаметно улегся, не раздеваясь, на кровать рядом с ней.

– У меня был дедушка. Очень мудрый человек. Он практически сформировал мое мировоззрение, рассказывая раз-

ные притчи и просто случаи из жизни, которые могли бы меня чему-то научить. В детстве и юности мне казалось, что их запас у него прямо-таки бездонный. Интернета тогда у него не было, с книгой в руке я тоже видел его не часто, однако практически на каждый случай из моей жизни у него была какая-то поучительная история. Наподобие этой.

«В начале занятия профессор поднял стакан с небольшим количеством воды. Он держал этот стакан, пока все студенты не обратили на него внимания, а затем спросил:

– Сколько, по-вашему, весит этот стакан?

– 50 грамм!»... «100 грамм!»... «125 грамм!»... – предполагали студенты.

– Я и сам не знаю, – продолжил профессор, – чтобы узнать это, нужно его взвесить. Но вопрос в другом: что будет, если я подержу так стакан в течение нескольких минут?

– Ничего, – ответили студенты.

– Хорошо. А что будет, если я подержу этот стакан в течение часа? – снова спросил профессор.

– У вас заболит рука, – ответил один из студентов.

– Так. А что будет, если я, таким образом, продержу стакан целый день?

– Ваша рука окаменеет, вы почувствуете сильное напряжение в мышцах, и вашу руку может даже парализовать... и придется отправить вас больницу, – сказал студент под всеобщий смех аудитории.

– Очень хорошо, – невозмутимо продолжал профессор, –

однако изменился ли вес стакана в течении этого времени?

– Нет, – был ответ.

– Тогда откуда появилась боль в плече и напряжение в мышцах?

Студенты были удивлены и обескуражены.

– Что же мне нужно сделать, чтобы избавиться от боли? – спросил профессор.

– Опустить стакан, – незамедлительно последовал ответ из аудитории.

– Вот, – воскликнул профессор, – точно так же происходит и с жизненными проблемами и неудачами. Будете держать их в голове несколько минут – это нормально. Будете думать о них много времени, начнете испытывать боль. А если будете продолжать думать об этом долгое, продолжительное время, то это начнет парализовать вас, т.е. вы не сможете ничем другим заниматься.

Важно обдумать ситуацию и сделать выводы, но еще важнее отпустить эти проблемы от себя в конце каждого дня перед тем, как вы идете спать. И, таким образом, вы без напряжения каждое утро сможете просыпаться свежими, бодрыми и готовыми справиться с новыми жизненными ситуациями».

– Поучительная история, – хмыкнула Дана. – Мне нужно к ней прислушаться и отпустить свои проблемы, поскольку я практически уже проваливаюсь в сон. А в целом из всей ситуации я все же извлекла для себя урок: иногда просто нужно взять себя в руки и идти дальше.

И я услышал, как она тихо засопела у меня под ухом. Подождав, чтобы она крепче уснула, я осторожно встал с кровати, взял ее на руки и отнес в нашу постель. Я никогда, как бы мы с ней не поссорились в будущем, не позволю ей спать отдельно от себя.

И сейчас, удобно уложив ее в кровать и поправив на подушке волосы, я прошептал ей тихо, хотя, возможно, больше для себя:

– Для нас нет непреодолимых трудностей, любимая: ведь дорога не так трудна, когда по ней идут двое. Абсолютно прав Радханатх Свами, сказавший когда-то: «Если в Вашей жизни пошел дождь, сосредоточьтесь на цветах, которые зацветут благодаря этому дождю». На этом мы с тобой и сосредоточимся.

Укрыв ее простыней, я пошел принимать душ, думая о том, что в силу произошедших событий бессонная ночь мне обеспечена, но, по-видимому, обращая Дану в веру спокойствия и примирения с ситуацией, я настолько проникся тем, что ей говорил, что и сам попал под гипноз собственных слов.

Поэтому, вернувшись в спальню, я лег рядом со своей малышкой и, крепко прижав её к себе, тотчас отключился.

Проснулся от того, что через не плотно зашторенные занавески пробился шаловливый солнечный лучик и неспешно заскользил по моему лицу. Я бросил обеспокоенный взгляд на Дану, но она спокойно продолжала спать, несмотря на то,

что на часах было позднее утро. Слава богу, что сегодня воскресенье и ей не нужно ехать на лекции.

Тихо-тихо я отодвинулся на край кровати и встал, не побеспокоив её. На носочках прошел в гардеробную и, выбрав домашнюю одежду, также неслышно вышел в коридор.

Одевшись по пути, я вошел в столовую и почувствовал возбуждающий запах свежеприготовленного кофе. Лучия без промедления внесла и поставила на стол кофейник, чашку и тарелку с блинчиками, а рядом – пиалу со сгущенным молоком. Мой любимый завтрак.

Поблагодарив ее, я выпил сначала чашку крепкого кофе и только потом приступил к поеданию блинчиков со сгущенкой, запивая их второй чашкой любимого тонизирующего напитка.

Я так увлекся завтраком, что не услышал, как пришла Дана.

– Вчера из всего сказанного тобой я сделала, как мне кажется, очень правильные выводы, – сказала она вместо приветствия, усаживаясь за стол. – Жизненные бури побеждаются только улыбкой. Это первый. И второй по поводу твоей мужской гордости, которая сотрясала тебя изнутри, пока мы ехали домой: запихни-ка ты её себе в задницу и живи с ней всю оставшуюся жизнь. Без меня. Мне этот треугольник нафиг не нужен. А теперь – доброе утро!

Я искренне рассмеялся.

– Вот такая воинственно настроенная ты мне нравишься

гораздо больше. Что касается моей гордости, конечно, из вас двоих я выбрал, как видишь, тебя. Так что посланный тобой нафиг треугольник так и останется там. И тебе тоже доброе утро!

– Что подать тебе на завтрак, кроме кофе: твои любимые круассаны или тоже блинчики со сгущенным молоком?

Не успел я получить ответ, как Лучия поставила на стол и то, другое. Дана с улыбкой поблагодарила её и стала уплетать за обе щеки как блинчики, так и круассаны, приводя меня в восторг, ибо я терпеть не могу, когда женщина, глядя с тоской в глазах на нормальную еду, ковыряется вилкой в тарелке с салатом.

Глядя на нее, такую близкую и дорогую, я вдруг отчетливо осознал, что все можно пережить в этой жизни, пока есть для чего жить, кого любить, о ком заботится и кому верить. И наконец-то понял, что отношения – это то, что должно спасать нас в тяжелые дни, а не мучить ещё больше.

– Знаешь, я только что вспомнила фразу из фильма «Винноваты звёзды», – сказала она, лукаво посмотрев на меня и оторвав от мыслей, которые блуждали в моей голове. – Хочешь увидеть радугу – терпи дождь. Ну и...? Мы потерпим свой дождь?

– Даже не сомневайся в этом. Он фактически закончился, – ответил я, но Дана со мной не согласилась.

– Нет, он только вчера начался. Не исключая, что будет бушевать гроза, которая принесет с собой ливень... Устоим?

Нас не смоет?

– Сложный вопрос, не имеющий однозначного ответа. Будем держаться до конца, а там посмотрим... Я не имею ввиду нас. Я говорю о том, что будет с каждым из нас, если Арман Кавелье объявит нам войну. Что касается меня, то я буду защищать тебя то последней минуты моей жизни. Я готов к этому. Другое дело, что будет с тобой без меня... А, значит, мне надо победить осториканца, чтобы мы могли жить, не оглядываясь. Как я сделаю это, пока не знаю, но что-то придумаю. Время у нас, как мне кажется, еще есть.

– Если ты позволишь себя убить этому недоноску, я не знаю, что с тобой сделаю. И на том свете найду. Так что ты должен жить во избежание моего наказания.

– Хорошо, любимая. Я даже на том свете не позволю, чтобы меня наказывала женщина. Я ведь сицилиец, а у нас явно выраженное мужское начало. Так что не забивай глупостями свою хорошенькую головку, доедай и собирайся на пляж. Я знаю одно укромное местечко, где мы сможем купаться голышом... и не только.

– Старый развратник, – фыркнула Дана, и, вскочив с круассаном в руке, помчалась на второй этаж.

– Я буду готова через десять минут, – донеслось ко мне издалека, и я не смог сдержать счастливую улыбку, что она есть у меня.

Позвонив своему информатору в осториканской «семье», я узнал, что никаких слухов о происшествии в загородном

доме Кавелье из него не просочилось. Значит, Арман принял жесткие меры, чтобы никто не узнал, в каком виде нашли его после моего звонка, и о том, что пропали два его телохранителя.

Сегодня рано утром он улетел на Осторику, так и не показавшись в офисе. Сказал, что по состоянию здоровья ему нужно отдохнуть после печальных событий, связанных с похоронами отца и старшего брата. Просил по пустякам не беспокоить до его возвращения.

Эта информация давала нам с Даной небольшую передышку, а, главное, мне, чтобы я мог тщательно продумать свои дальнейшие действия по обеспечению нашей безопасности.

Вспомнив, какие следы остались от моих кулаков на его смазливой физиономии, я довольно улыбнулся. Для того, чтобы от кровоподтеков и синяков не осталось следа, потребуется не менее двух недель.

– Что привело тебя в такое минорное настроение? – услышал я любимый голос.

Взглянув на Дану, уже готовую к поездке, я подозвал ее ближе и усадил себе на колени.

– От своего человека я узнал, что Кавелье улетел на Осторику зализывать раны. Так что у нас в запасе около полумесяца. И этот последний разговор о нем сегодня, поскольку я намерен насладиться тобой и отдыхом на пляже. Ведь мы же с тобой там еще не занимались любовью, не так ли? Вот и на-

верстаем упущенное А третий лишний нам не нужен. Даже теоретически. Сами справимся.

Подхватив ее вместе с сумкой на руки, я понес свою девочку к машине. Пока усаживал её на заднее сидение, ото-слал Келла к Лючие за корзинками с едой для себя и своих парней.

Мы довольно быстро приехали в аэропорт, где стоял мой частный самолет Falcon 900 EX. Команда уже была готова к полету, кроме Даны, которая с удивлением рассматривала моего «сокола», не ступая на трап.

При входе в салон нас встретила стюардесса, которая с улыбкой поприветствовала своих пассажиров на борту самолета и провела к удобным мягким креслам.

Как только мы удобно устроились, я разрешил взлет и посмотрел на Дану. Она огляделась вокруг и повернулась ко мне.

– Почему ты никогда не говорил, что у тебя есть личный самолет?

– Не было случая. Рано или поздно ты о нем все равно бы узнала. Кстати, у меня есть еще два самолета, которые несколько больше и могут летать на дальние расстояния.

– А что собой представляет этот?

– Это бизнес-джет на короткие и средние дистанции. Оснащен современной авионикой, повышающей параметры управления полетом и безопасности. Как видишь, он имеет комфортабельный салон, который включает три зоны – ра-

бочую, клубную и мой личный кабинет, а также оборудован креслами, системами спутниковой связи и Интернет-коммуникациями. Спальни не имеет, – огорченно произнес я и подмигнул ей.

– Да, – забыл сказать, – наличие трёх двигателей позволяет этому лайнеру взлетать даже с коротких взлётно-посадочных полос. Это существенно расширяет для меня географию полётов, поскольку могу пользоваться услугами небольших аэропортов. Другое достоинство бизнес-джета – его экономичность. Он потребляет на 50—60% меньше топлива, чем его аналоги.

Дана еще раз осмотрела салон, а потом спросила:

– Если не секрет, куда мы летим?

– Полет лишен какой-либо таинственности. Наш курс – на греческий остров Икария.

– А почему именно на этот остров? – любопытствовала моя неугомонная малышка.

– Я пообещал тебе пляж в укромном местечке. На Лазурном берегу такой отыскать практически невозможно из-за огромного наплыва туристов в весенне-летние месяцы, а Икария предлагает широкий спектр уединенных пляжей.

Я еще ранее облюбовал пляж Нас в пятидесяти пяти километрах к северо-западу от Агиос Кирикос, столицы острова. Нас – это самый живописный пляж острова Икария. Его узкий берег окружен скалистыми утесами, что делает это место лучшим для наблюдения закатов на острове. Пляж

песчаный, дикий. Там, правда, можно встретить nudистов. Но с ними мы общаться не будем, так как я этого не терплю. У нас есть свой участок пляжа, который я выкупил пару лет тому назад.

– А как мы туда доберемся? Ведь там нет аэропорта.

– Естественно. В марине Агиос Кирикоса у меня пришвартована небольшая быстроходная яхта. На острове мы позагораем,купаемся, займемся любовью в разных позах, встретим великолепный закат и отправимся тем же путем домой. Как тебе воскресная программа?

– Супер! Устраивает абсолютно всё. Я тебя обожаю!

С этими словами Дана практически запрыгнула на меня и принялась неистово целовать, забыв, что в салоне, кроме Келла и Амато, находится еще и стюардесса, принесящая нам охлаждающие напитки. Но я не противился. Наоборот, испытал необыкновенное наслаждение от ее поцелуев и огромное удовольствие от ее импульсивности.

Бьянка, сдержав улыбку, поставила перед каждым из нас запотевшие стаканы с апельсиновым соком.

– Кофе подать? – спросила она, адресуя вопрос большей частью к Дане.

– Да. Спасибо! – ответила та, на миг оторвавшись от меня, а потом, по-видимому, опомнившись от захлестнувшей ее радости, чинно села на свое место и принялась неспешно потягивать через трубочку сок.

Когда Бьянка принесла нам кофе, я решил представить их

другу другу:

– Бьянка, это моя невеста Дайана. Дана, это Бьянка. Она будет сопровождать нас весь полет и постарается, чтобы он был комфортным.

– Приятно познакомиться! – сказали они в унисон и весело рассмеялись.

День прошел, как в сказке. Был всего лишь один короткий неприятный момент, когда Дана, рисуя палочкой на песке какой-то рисунок, спросила меня, не поднимая глаз:

– Ты с кем-то здесь уже отдыхал? Я имею ввиду твоих бывших любовниц.

– Нет, если не считать Джемму. Но мы к тому времени уже почти шесть лет не были любовниками и посетили это райское местечко исключительно, как родственники. Я привез ее сюда, чтобы показать, какой пляж себе приобрел. И всё.

Облегченно вздохнув, Дана посмотрела на меня и искренне улыбнулась, а я поблагодарил судьбу, что мне ни разу не пришлось в голову привезти сюда кого-либо из бывших, в противном случае, избегая лжи в наших отношениях, мне пришлось бы причинить ей боль.

Я много думал о том, что сказал мне Арман по поводу оргазмов Даны. Поэтому, несмотря на то, что своим любопытством мог испортить ей настроение, отдыхая после очередного занятия любовью, я все же не удержался и спросил Дану, как она смотрит на то, чтобы приобрести сексуальные игрушки. По ее выбору, конечно.

Когда она согласилась, ничего не комментируя, я поздравил себя с успехом и предложил обсудить, что из них ей больше всего нравится и что бы она хотела попробовать.

Дана какое-то время молчала, обдумывая мое предложение, а потом сказала, что сама зайдет в секс-магазин, выяснит для себя возможности предлагаемых товаров и выберет то, что её больше всего заинтересует. Больше мы эту тему не поднимали.

Мы не заметили, как пробежало время и наступил закат солнца. Зрелище было завораживающим, достойным кисти великого художника, коим, впрочем, и была сама природа.

Весь западный горизонт неба окрасился в багряные тона. Но цвет закатного солнечного диска постепенно менялся от светло-желтого до ярко-красного.

– Смотри, – закричала Дана, не отрывая глаз от неба, – во время заката солнце как бы угасает, и не светит ярко, поэтому его можно наблюдать невооруженным взглядом. Мне кажется или на самом деле, когда оно подошло к горизонту, вся природа, словно бы замерла? Слышишь, как затихает ветер и заход этой звезды сопровождается полным штилем на море?

Я просто кивал, как японский болванчик, любуясь ее восторженным выражением лица, такого открытого и бесхитростного. Проявление подобных искренних эмоций со стороны женщины было мне в новинку, и я получал от них безумное удовольствие.

Поздно ночью мы вошли в свой дом, уставшие и счастливые. Быстро приняв вместе душ, обнявшись, упали на кровать – так и заснули.

Утро началось с обычных хлопот. Мы чуть не проспали, поэтому собирались второпях и, выпив на ходу по чашке кофе, сели в свои машины и разъехались: Дана – в Высшую коммерческую школу, а я в свой офис.

Приехав на работу и распахав много производственных вопросов, я решил было поговорить с дядей относительно Армана и того, что случилось в его загородном доме, но передумал: не хотел ничего рассказывать о Дане, а без нее рассказ изобиловал бы пробелами. Учитывая цепкий ум своего старшего родственника, не хотелось, чтобы он сам складывал недостающие фигуры в рисунок.

Пришлось все обдумывать самому. Конечно, мафия сейчас уже не столь кровожадна, как раньше. Больше нет вендетты в том виде, в каком кровная месть существовала долгие годы. Если кого-то убивают, то это просто бизнес. Но на Осторики и Сардинии вендетта сохранилась, и не только в мафиозных кланах. Поэтому угроза моей жизни была реальная.

Кавелье сделает это из принципа и мести за унижение, которому я его подверг. Да, это будет не кровная месть, но конечный результат все равно предусматривает смерть. Хотя не исключено, что Арман проделает со мной нечто подобное, что и я с ним, опустив чувство моего собственного достоин-

ства ниже плинтуса и опозорив в присутствии большого количества свидетелей.

Какой вариант он выберет, знает только Всевышний. Я интуитивно предполагаю, что второй. Просто убив меня, он не получит желаемого удовлетворения и удовольствия. Значит, продумает для меня что-то крайне унижительное. Что касается меня, я бы выбрал смерть, хотя знать об этом Дане не обязательно. Однако мои желания Кавелье, естественно, учитывать не станет.

Я должен все же жить и бороться по одной, но весьма серьезной причине: случись что со мной, Арман не успокоится до тех пор, пока не сломает волю Даны и не сделает ее своей сексуальной рабыней. Учитывая то, что она иностранка и близких родственников у нее нет, ее очень удобно держать где-то взаперти и сексуально над ней измываться, насиловать и делать с ней, что ему будет угодно.

Конечно, я могу купить ей квартиру в любой стране Европы, зарегистрировать ее на чужое имя, сменить Дане документы, обеспечить ее деньгами и отправить из Марселя подальше, но ведь она не согласится. Во-первых, из-за того, что не захочет оставить меня; во —вторых, из-за того, что категорически откажется бросить обучение в Высшей коммерческой школе и не получить степень МВА. Для нее очень важна карьера, и степень магистра бизнес администрации поможет ей открыть в неё дверь.

Вот и попал я с Дайаной в заколдованный круг, из ко-

торого нет выхода по многим объективным причинам. Значит, придется померяться с Арманом не силой, а хитростью и умением выжить в экстремальной ситуации, в которую мы друг друга загнали.

Я долго лежал в комнате отдыха, обдумывая различные варианты и отмечая большую часть из-за их несостоятельности. Один все же пришелся мне по душе, и я решил воспользоваться им как пробником. В качестве превентивной меры. Советоваться ни с кем не стал. Исключил даже Дану. Чем меньше людей будет привлечено к выполнению задуманного, тем лучше и безопаснее для всех.

Не откладывая задуманного в долгий ящик, я вызвал к себе Албу и дал ей задание пригласить ко мне Дэвида.

Он явился, как всегда быстро. Я ввел его в суть задания и предупредил, чтобы выполнение он взял на себя или привлек очень надежного человека, который будет держать язык за зубами. Обязательно не из его подчиненных. Второе условие – никто, кроме него, не должен знать, что задание исходит от меня. Третье – ограничение во времени: не более десяти дней.

Дэвиду не нужно было повторять дважды. В нем я был уверен, насколько это возможно, хотя существовал определенный процент, что мог допустить просчет. Но другого, более надежного, человека у меня в настоящий момент не было, да и само задание весьма щепетильного свойства и трудно выполнимое, особенно в поставленные сроки.

Что же, удовлетворенно решил я: преодолевают трудности только дураки, а умные люди их обходят.

Да, для меня сейчас наступили трудные времена. Предстояла игра в ва-банк. Но это меня не пугало и не останавливало, а, наоборот, мобилизовало во мне все силы, и, в первую очередь, умственные. Когда мне тяжело, я всегда напоминаю себе о том, что, если я сдамся, – лучше не станет. Из любой ситуации можно найти выход. Другое дело, будет ли он результативным. Но в любом случае попробовать стоит и нужно. Такой подход к решению проблем у меня был всегда.

Покончив со всеми делами, я отправился домой, предвкушая встречу с Даной, по которой успел соскучиться.

Я нашел ее на диване в патио с компьютером в руках. Она уже вовсю готовилась к защите диплома, систематизируя материал, собранный на практике.

Увидев меня, она вскочила и повисла на шее, горячо целуя. Боже, как мне нравилась её искренность, эмоциональность и непосредственность. Прижав к себе ее хрупкое тело, я испытал тысячу оттенков чувств. Как я жил без нее? Как-то жил и не жаловался, но теперь не представляю своей жизни без своей русской колдуньи.

– Как прошел день? – спросила Дана, отклонившись назад и заглядывая мне в глаза.

– В целом спокойно, что равносильно успешно. Много думал о том, какие действия по возвращении предпримет Кавелье и что мне нужно сделать, чтобы обезопасить нас с то-

бой. Если бы я убил его, этих проблем сейчас у нас не было.

– Бретт, я знаю, что ты не ангел, что ты не раз брал грех на свою душу, лишая человека жизни, но... знаю это в теории. Для меня ты не ассоциируешься с убийцей, поскольку я не видела тебя в таком качестве. А, убив Армана в моем присутствии, ты стал бы им в моих глазах. И смогла бы я потом, не вспоминая об этом, смотреть на тебя? Не знаю. Смогла бы я любить того, кто убил человека, которого я знала? Не знаю. Думаю, что не смогла бы. Поэтому я не стала рисковать нашими отношениями.

– Как-то ты субъективно рассуждаешь, считая, что в нашем конкретном случае одно убийство делает меня преступником. В Сирии, Ираке и Афганистане, например, уже убиты миллионы, а те, кто к этому причастны, стали героями. Как видишь, в человеческом обществе существуют двойные стандарты, но они тебя устраивают.

– Да, я знаю, что в современном обществе убийство уже не вызывает в сердцах людей психологического и морального отторжения. Образ киллера стал очень популярен у современных кинорежиссеров. Причем многие из кинематографических киллеров в кого-то влюбляются, создают семьи...

Но я считаю, что этого в реальной жизни быть не может. Любой грех противодействует любви. А убийство – это один из самых тяжких грехов.

Огонь и вода не могут сосуществовать в одном сосуде, и любовь не живет в человеке, который так тяжело гре-

шит. Реальный убийца может быть поверхностно обаятелен, но в глубине его души, без сомнения, холод, мрак, отсутствие любви, радости и каменная черствость. Страсти доступны убийце, любовь – едва ли.

Твоему же сердцу присущи любовь, нежность, сострадание, забота и многие другие чувства, которые позволяют мне восхищаться тобой и любить тебя за это. Не оскверняй их кровью другого человека. Не клейми свою душу печатью убийства. Ради меня. Если я, конечно, тебе дорога, нужна и что-то значу в твоей жизни. И вообще, нет такой идеи, которая бы оправдывала убийство. Допустимо ли искоренять злодейство, убивая злодеев?

Видя, что Дана уже стала на тропу философствования, я решил прекратить разговор на эту тему, используя в качестве последней точки самурайскую мудрость. Зная, что мы никогда с ней не придем к общему знаменателю в обсуждаемом вопросе, я сложил перед собой ладони и сказал:

– Не волнуйся за мою душу. Я спасу ее, прочитав над телом поверженного врага молитву, как это делали японские самураи, говоря: «Я сожалею всем сердцем, что мне пришлось убить тебя. Я каюсь перед тобой тысячу раз и прошу твоего прощения сто тысяч раз. Я объявляю всем камням этого места, которые были свидетелями нашей схватки, что я принимаю на себя всю карму, возникшую в результате твоей смерти. Пусть дух твой не сердится на меня! Пусть ты найдешь счастье в другой жизни, и мы встретимся в ней еще раз

друзьями!

– Не юродствуй. Мы обсуждаем серьезную тему, а потому я хочу, чтобы ты поклялся мне, что твоя рука не лишит Армана Кавелье жизни. Я не переживу, если эта же рука будет ласкать и обнимать меня.

– Клянусь! Твою волю я выполню. Можешь не сомневаться.

Мои слова вызвали слезы облегчения в глазах Даны, и она благодарно прильнула ко мне

– Глядя на нее, я подумал, что самая лучшая косметика моей женщины – это её чистота. По-настоящему чистую душу Даны невозможно испачкать никакой грязью – она к ней попросту не пристанет... Поэтому, подумал я с улыбкой, чистота моих грязных намерений осталась ею неоцененной.

Дана, словно подслушав мою последнюю мысль, весьма серьезно вдруг сказала:

– Завтра мы поедем с тобой за пределы Марсея, в ту сторону, где есть поле. Ты выйдешь из машины, мысленно растянешься и выпустишь свою душу, чтобы освежить её. Можешь даже закричать... В твоём случае это необходимо. Душа тоже любит свежий воздух.

После этих слов я, конечно, не выдержал и захохотал. Мать божья, до чего же мы разные! Но, наверное, в этом и заключена вся прелесть наших отношений. Подобная наивность привела меня в умиление. Я схватил на руки свою драгоценную ношу и понес в столовую, поскольку умирал

от голода.

Глава 19. ДАЙАНА

Когда сердце наполнено любовью, душа идёт по дороге счастья... Не видя ничего вокруг себя, не замечая стёртые в кровь ноги, которые спотыкаются обо все трудности отношений... Это обо мне.

Правда, свои ноги я пока до такого состояния не довела. Надеюсь и в будущем подобного не случится, но спокойной жизни у меня с Бреттом не будет. Я это понимаю и не придумываю для себя сказок.

Я не жду, что станет легче и проще. Не станет. Трудности будут постоянно: ведь они – не наказание за прошлое, а испытание ради будущего... Но я научусь быть счастливой прямо сейчас. Я постараюсь сохранить на долгие годы чистоту нашей любви, чтобы она окутывала нас, как лепестки цветка смыкаются над его сердцевинкой. И не важно, что нам придется пройти по горящим углям. А это будет именно так, учитывая то, чем Бретт занимается и кем является.

Когда я сказала ему об этом за ужином, он воспринял всё всерьёз, а потом, подумав, изрёк:

– Ты, ищущая в любви не тело, а душу, – обречена быть женщиной, которую я буду боготворить.

– Не зарекайся, – отмахнулась я от его заявления.

– Я и не зарекаюсь, – возразил Бретт. – Благодаря жизненному опыту, интуиция на гнилую душу у меня хорошо раз-

вита. Мы с тобой совсем недавно вместе, но, тем не менее, сравнивая наше настоящее с моим прошлым, я понял, что два человека могут сидеть рядом и никогда не найти друг друга, а другие могут быть полными противоположностями, но ничто не в силах разлучить их. Второе – про нас.

– Может быть, может быть... – обдумывала я услышанное, не полностью соглашаясь с его выводом. – Ты не должен быть настолько в этом уверен, ведь мы с тобой еще не съели пуд соли.

– Опять русская пословица? Объясни.

– Нет, устойчивое выражение, известное в нескольких европейских языках. Означает хорошее знание кого-либо. Ведь чтобы съесть 16 килограмм соли, понадобится огромное количество времени совместной жизни. Раньше, когда соль была в дефиците, этого времени требовалось в несколько раз больше из-за экономии продукта. Поэтому люди, съедающие пуд соли, хорошо знали друг друга.

По современным меркам выражение «пуд соли съесть» употребляется тогда, когда хочется подчеркнуть потребность в огромном количестве времени и сил для налаживания отношений.

– Конечно, нам будут нужны и время, и силы, чтобы лучше узнать друг друга, но это не значит, что они способны нас разлучить. Думаю, будет как раз наоборот. И я знаю, о чем говорю.

Ведь ты же сумела отогреть мое холодное сердце, поко-

рив сначала душу. Причем, за короткое время и не приложив к этому больших усилий. И мне не пришлось платить за «соль», — подмигнул мне весело Бретт.

— Это только кажется, что за всё в жизни платят деньгами. По-настоящему важные вещи оплачиваются частичками души. Тебе же я отдала свою полностью. Вот если бы моя душа была птицей, то сейчас она сидела бы у тебя на плече.

Но знаю я и другое: когда найдёшь то, что так долго искал, судьба по любому не даст тебе взять это просто так.

— Ничего страшного, — улыбка осветила лицо моего любимого мужчины. — Самая чистая вода бывает в тех источниках, в которых она пробивается сквозь препятствия, преодолевая трудности.

— Возможно, но не хочу преодолевать препятствия и бороться с трудностями. Лучше я из проблем свяжу я коврик... и буду ноги об него вытирать. Каждый день.

— О, если это тебе под силу, начинай вязать его сразу же после ужина. До утра, надеюсь, успеешь. А я в это время буду тебя развлекать.

— Если бы да кабы... Просто я желаемое выдала за действительное.

— А я думал, что русской колдунье проще простого таким образом избавить нас от всех проблем, включая Кавелье тоже.

— А вообще-то я могу посоветовать кое-что другое. Если на тебя навялятся проблемы, переспи с красивой девушкой.

Это, конечно, их не решит, но удовольствие ты точно получишь.

– Супер! Это мне нравится... но при условии, что этой девушкой будешь ты.

– Естественно. Другая даже не подразумевается, – искренне возмутилась я. – Я уверена, что ты сильный и сумеешь противостоять соблазнам.

– Сила мужчины заключается не в том, со сколькими женщинами он переспал, а в том, скольким отказал ради одной... В моем случае, ради тебя. А если серьезно, я готов сделать для тебя, что угодно. Даже невозможное.

– Тогда ловлю тебя на слове, – как бы между прочим произнесла я, и моя лукавая улыбка сразу же насторожила Бретта, а его интуиция, по-видимому, тотчас подсказала ему, что он сам загнал себя в капкан, поскольку вид у него был ожидающим. – Я хочу, чтобы ты подарил мне ко дню получения мною степени MBA торт, в котором чёрные полосы в нашей жизни будут из шоколада, белые – из зефира, любовь – из клубничного джема, воспоминания – из ванили, а всякие неприятности – из малюсеньких орешков...

– Фу, – облегченно выдохнул он. – Считаю, что такой торт у тебя уже есть. И не нужно ждать твоего выпуска из бизнес-школы. Я уж было испугался, что ты попросишь у меня экскурсию на Марс.

– У меня нет желания посещать красную планету, а вот иметь в нашей галактике звездочку с моим именем... бы-

ло бы, пожалуй, не плохо.

Я, конечно, сказала это в шутку, но Бретт воспринял всерьёз. Секунду что-то обдумав, он неожиданно мне пообещал:

– Это в моих силах. Будет тебе такая звездочка.

Я рассмеялась и, поднявшись со своего места, подошла к нему. Бретт моментально отодвинулся от стола и усадил меня к себе на колени.

– Ты хочешь поблагодарить меня за это? Пока рано.

– Нет. Я просто хочу тебе сказать, что, по моему мнению, ты самый лучший мужчина на свете. Мне повезло, что ты обратил на меня внимание тогда в ресторане. Если бы ты не смотрел на меня так пристально и я не поверила в то, что вызвала твой интерес, никогда бы к тебе не подошла сама. До сих пор чувствую неловкость из-за этого. Не могу объяснить даже самой себе, что вызвало во мне такую смелость.

– Предопределенность судьбы. Не иначе.

– Ты фаталист? – моему удивлению не было предела.

– В какой-то мере. Я убеждён в неизбежности событий, которые уже запечатлены наперёд. Верю в то, что фатум каждого живого существа составляет единую «фатум-систему». В точности так, как из эпизодов и реплик складывается драматическое действие, происходящее в предлагаемых обстоятельствах и заканчивающееся предполагаемым образом.

Иначе как можно объяснить то, что фраза «Желающего судьба ведёт, нежелающего – тащит», впервые высказанная

греческим философом-стоиком Клеанфом около 230 до н. э. и впоследствии переведённая Сенекой, пережила тысячи веков и дошла до нашего времени?

– Тем, что стоики представляли людей частицами вселенского тела, в котором всё взаимосвязано и целесообразно. Так они иносказательно говорили человеку о необходимости быть хозяином своей судьбы, ставить перед собой цели и добиваться их, а также понять свое предназначение в жизни и следовать ему сознательно. Во всяком случае, я так думаю.

– Значит, и ты фаталистка?

– Наверное. Во всяком случае я верю в судьбу.

– Вот видишь, у нас есть еще кое-что общее.

– А что еще? – спросила я, не выдержав и еле сдерживая смех. Мне было очень интересно услышать ответ.

– Мы испытываем взаимное уважение, восхищение, психологическое и сексуальное притяжение, чувствуем друг в друге собственную завершенность, получаем удовольствие от одного и того же, любим джаз, смеемся над тем, что смешно обоим, понимаем друг друга с полуслова, верны нашим чувствам, ощущаем исключительность и незаменимость, верим в то, что являемся половинками друг друга... Перечислять еще?

– Не стоит. Я и сама знаю, что мы, несмотря на то, что разные, удивительным образом дополняем друг друга. Поэтому не согласна с Шопенгауэром, утверждающем, что сходятся только противоположности и тяготеют друг к другу только

полюсы, поскольку это закон природы и главная опора человеческой близости. Мне ближе точка зрения Поля Жеральди, который считает: «Нужно иметь что-то общее, чтобы понимать друг друга, и чем-то отличаться, чтобы любить друг друга».

Я уверена, что мы половинки одного целого. Я могу доказать это на примерах. Начну с себя. С тобой рядом я забыла о своих комплексах с мужчинами, которых у меня было, хоть отбавляй.

Рядом с тобой я раскрепощена, раскована, уверена в своей востребованности, в своей нужности и в своей полезности тебе.

То, что для меня – откровение, для тебя – обычная поведенческая реакция, едва ли не самопроизвольная. Я могу тебе обо всем сказать, обо всем у тебя спросить. В твоём присутствии у меня напрочь исчезает чувство стыда и неловкости. Я могу перед тобой буквально обнажиться – духовно и физически, – и это не покажется мне странным или неудобным.

Словом, мы «сигналим» синхронно, в одном ритме, с какого бы аспекта это не начиналось. И такая обоюдная ритмичность меня очень радует.

– Согласен. Однако я забыл назвать ещё кое-то, объединяющее нас: мы оба не просто образованные, а умные.

– Что же, теперь я знаю точно, от чего ты не умрешь... – сделав продолжительную паузу, я посмотрела Бретту в глаза.

– Ты провидица?

– В данном конкретном случае – да.

– И от чего же?

– От скромности.

Бретт громко засмеялся:

– Она никогда не была моей сильной чертой характера.

Так что ты оказалась права. Но я хочу тоже внести свою лепту в подтверждение твоей теории о нас, как «половинок друг друга»: именно с тобой я понял, что такое «комфорт души», стал жизнерадостнее, добрее, отзывчивее, одним словом, лучше, а моя жизнь – эмоционально ярче и интеллектуально богаче.

– А у меня исчезли все тайные страхи, сомнения, тревоги, поскольку я знаю, что ты меня защитишь, поддержишь и во всем поможешь, – добавила я.

– Словом, рядом друг с другом каждый из нас обретает себя – истинного, – продолжил мою мысль Бретт.

– А теперь, любовь моя, нам пора в постельку, в которой нас ждут более приятные дела, чем дискуссия на серьезные темы. Я привез кое-что и хочу попробовать, насколько оно окажется действенным, чтобы доставить тебе наслаждение. Да и сам хочу испытать новые ощущения.

С этими словами Бретт поставил меня на пол и, взяв за руку, повел в спальню, прихватив со стола в холле большую коробку.

Глядя на нее, я предвкушала удовольствие, которое меня

ожидает в постели. С ним я настолько сексуально раскрепостилась, что не чувствовала ни малейшей неловкости от любого вида сексуальных утех.

Я не знала, что в этой коробке, но была уверена, что Бретт подобрал что-то нетрадиционное и неизбитое.

Зайдя в спальню, он поставил коробку на тумбочку со своей стороны и посмотрел на меня:

– Как я понял, в интим-магазин ты не заезжала.

– Конечно, нет. Меня же везде сопровождает Лука. Не могла же я в присутствии охранника под его пристальным оком пойти в магазин и выбирать себе секс игрушки. До такой степени раскованности я еще не дошла. Понятие «неудобно» для меня пока не устарело.

– Я был уверен, что всё так и будет, поэтому подстраховался. Честно говоря, выбирая все эти приспособления для усиления сексуального наслаждения, я почувствовал себя старым и неопытным.

– Да ведь тебе всего лишь тридцать пять лет! – моему возмущению не было предела.

– Не в годах дело, а в опыте, – отмахнулся Бретт. – Может, неприлично говорить о своих бывших любовницах, но с ними я не использовал ничего, кроме самого себя. Поэтому секс магазины мне в новинку. Именно по этой причине пришлось потратить в нем уйму времени, пока выбрал то, что посчитал необходимым для нас. Так что в этом вопросе считай меня девственником.

– У меня тоже нет никакого опыта, кроме... впрочем, меня вдруг заинтересовало совсем другое, – перевела я разговор на более безопасную тему. – Когда ты первый раз переспал с женщиной?

– О, это было так давно, более двадцати лет назад.

– Расскажи, мне очень любопытно, – не выдержала я.

– Нет, это не тема для разговора. Я не хочу знать, что у тебя и с кем было до меня. Вообще в этом отношении о прошлом забываем раз и навсегда. Договорились?

Я кивнула головой, понимая, что Бретт прав и мое любопытство отдает детством.

– А теперь посмотри, что я купил, сказал он. – Это будет новый опыт для нас обоих, где всё будет для нас впервые.

Я улыбнулась и с интересом открыла коробку. Чего в ней только не было! Названия полной информации не давали, поэтому я попросила Бретта объяснить предназначение каждой сексуальной игрушки, которые он купил. При этом не удержалась и спросила:

– И сколько ты заплатил за все это богатство?

– Столько, сколько стоит наслаждение, которое они доставят тебе и мне.

– А что ты еще купил? – спросила я, глядя на другие коробочки.

– Сегодня я достану только зажимы на соски с вибропулями и зажим для клитора. Остальное – после того, как нам надоест пользоваться всем этим, что лежит сейчас на крова-

ти. Согласна?

– Конечно.

Мне стало смешно, что мы так серьезно рассуждаем о сексуальных приборах, и в то же время весело. Я предвкушала удовольствие, которое меня ждет, как только я приму душ. Быстро справившись с вечерними процедурами, я легла на кровать в ожидании Бретта. Он не заставил себя долго ждать.

Подойдя ко мне, наклонился и надел на меня маску. И началось мое испытание наслаждением. Моя реакция на действия Бретта настолько усилилась, что от каждого прикосновения его языка я вскрикивала, пронзенная сладостной судорогой. Терпеть это изысканное удовольствие я уже не могла и попросила его наполнить меня своей плотью.

Перед самым проникновением Бретт снял зажим – и на меня нахлынули самые яркие ощущения, поскольку после сдавливания кровь резко устремилась в уже возбужденные мои эрогенные зоны и их чувствительность увеличилась в разы. И как только Бретт проник в мою глубину, я испытала необычайно интенсивный оргазм.

Через какое-то время мы пришли в себя и легли рядом, тяжело дыша.

– Ну как? – спросил Бретт.

– Божественно.

Но это было только начало... Как оказалось позже, Бретт тоже пережил необыкновенной силы экстаз. Мы так чув-

ственно вымотались, что я мгновенно уснула, так и не дойдя под душ. Сквозь сон я слышала, как мой страстный мужчина протирал меня мокрым полотенцем между бедер, но проснуться не могла. Мое тело настолько отяжелело, что я была не в состоянии двинуть ни рукой, ни ногой. Такое со мной было впервые.

Утром я не увидела в нашей спальне предметов наших ночных утех. Повязки на моих глазах уже не было. Соски болезненно реагировали на прикосновения, но эта боль, как ни странно, была приятной.

Я пошла под душ и тщательно вымылась, убрав с тела остатки наших занятий любовью, и, одевшись, спустилась вниз, забросив в прачечную испачканное за ночь постельное белье.

Бретта в столовой уже не было. Лучия принесла мне завтрак и сказала, что он в своем кабинете. Перед поездкой, захватив с собой компьютер, я заглянула к нему, пожелала доброго утра, спросила, как его самочувствие после наших экспериментов с секс игрушками, и, нежно поцеловав, направилась к двери.

Бретт задержал меня, схватив за руку.

– Спасибо, – прошептал он, – за сказочную ночь! А теперь иди учись.

Шлепнув меня по попке, он пожелал мне удачного дня и с обожанием во взгляде проводил к входным дверям, где в машине меня уже ждал Лука.

На первую консультацию я приехала перед самым началом. Она проходила в небольшом кабинете, поэтому практически все места были заняты, за исключением одного. На соседнем стуле сидела Шанна. Она усиленно махала мне рукой, призывая идти к ней. Оказалось, этот стул она заняла для меня.

Поговорить в течение полутора часов нам не удалось, поэтому после окончания консультации, не сговариваясь, пошли в наш любимый сквер.

Мы давно с ней не пересекались. То ли она пропускала занятия, то ли избегала встреч со мной, посещая другие лекции, которые мы свободно выбирали, исходя из темы своей дипломной, но факт остается фактом: все это время мы шли по параллельным прямым.

– Как у тебя дела? – спросила она, когда мы сели на скамейку. – Замуж еще не вышла?

– Нет. Ты же знаешь, что свадьба будет в сентябре. К тому же, мы договорились, что ты будешь подружкой невесты.

– А еще кто?

– Стефания, Моника и Луиза. Они дали свое согласие. Но старшей подружкой невесты будешь ты. Надеюсь, зависть к моему обручальному кольцу уже не так сотрясает тебя изнутри?

– Глупости. Я тебе не позавидовала.

– Не ври. Может, и не кольцу, а чему-то другому, но позавидовала. Причем сильно. С тех пор мы с тобой почти три

месяца не виделись. И это после того, как больше двух лет прожили в одной комнате. Разве это нормально?

Шанна тяжело вздохнула и пробурчала себе под нос:

– Черт, мне часто в детстве говорили, что я очень добрая и милая девочка... сглазили, блин.

– Ладно. Закружи тему, а то ты сейчас жалеть себя начнешь, – не выдержала я и перевела стрелки в разговоре в другую сторону.

– Лучше расскажи, как твоя личная жизнь. Не познакомилась с кем-либо достойным?

– Ой, это больной вопрос. Куда подевались мужчины типа Бретта? Наверное, он был последним – и тебе повезло, как Золушке в сказке. Я не такая везучая. Вот вскоре, как ты переехала, познакомилась с одним французом. На первый взгляд, показался классным. Обходительный, внимательный, щедрый, красивый... словом, я уже крылышки надежды стала отращивать, а потом – бац... оказалось, что женат.

– А как ты узнала?

– Не совсем прилично: Жан в ресторане на столе оставил телефон, а сам отошел поговорить с каким-то знакомым. Я и заглянула. А там жена спрашивает: когда придешь домой? Дети спать отказываются. Он же в ответ написал, что у него серьезные переговоры. Могут затянуться за полночь. Я его к детям и отослала, когда вернулся. Так он ушел, сволочь, даже не извинившись. Благо, оставил деньги, чтобы я рас-

платилась за еду и вино.

– Ну, с паршивой овцы, хоть шерсти клок.

– Это, конечно, но мне было обидно, что я искренне поверила ему, а потом поняла, что все, что он говорил и делал, было враньем.

– Хорошо, что не влюбилась в него, иначе, помимо обиды, была бы еще и боль. Лучшая характеристика человека – это сравнение между тем, что он обещал, и тем, что он в итоге сделал...

– Так в том-то и дело, что он ничего мне не обещал. Но как мне было понять, что у него в уме? Поцелуи волшебные, глаза смотрят с нежностью, но ни слова о чувствах...

– Ты правильно поступила, что разорвала с ним. И не жалей. Единственный способ жить хорошо – сразу уходить оттуда, где плохо.

– Может и правильно, но мне ведь с ним было хорошо... Черт с ним. Проехали. Злит другое: мне уже почти двадцать девять, а я, как перекасти поле: из одной постели – в другую. Многие не понимают, почему я до сих пор одна. Постоянно пристают с вопросами о моей личной жизни, на которые каждый раз приходится отвечать, что свободна. И тут начинается: «Не переживай, встретишь своего мужчину». И всякий бред в этом роде. Вы нормальные, думаю? Я же говорю – я свободна, а не одинока. И свою свободу я, ох, как люблю! Не понимают.

– Знаешь, Шанна, не в разных постелях заключается сво-

бода. Не обижайся, но ты не ценишь себя ни в собственных глазах, ни в глазах своих мужчин. Вместо того, чтобы стать для них единственной, ты становишься очередной.

– Для кого становиться единственной? Вот недавно немного повстречались с англичанином. Старше меня на двенадцать лет. Бизнесмен. Разведен. С жизненным опытом. Часто приезжает в Марсель по делам. Решила не спать с ним и посмотреть, куда кривая выведет. Сказал, что понравилась ему, очень, что хочет продлить наше знакомство, а уехал – и пропал. Ни звонка, ни SMSки. И что ты на это скажешь?

– Мужчина, которому ты нужна, всегда найдет способ быть с тобой. Даже если он живет на другой планете и у него совсем нет свободного времени. Значит, это не твой мужчина.

– Ладно, соглашусь с тобой. Однако расскажу еще об одном экземпляре в джинсах. Пару дней назад с ним рассталась. Смазливый, как киноактер. Фигура – закачаешься. В постели – бог. Но хамом оказался первостатейным.

– А что не поделили?

– Цели...

– Не поняла. Можно подходчивее?

– Да в двух словах не получится, но попробую. Он меня за все время ни разу не назвал по имени. Всё «Зайка» да «Зайка». Вот лежим мы в кампусе в нашей бывшей комнате после обалденного секса, а он мне: «Зайка, стрельни у ко-

го-нибудь из девчонок пару банок холодного пива». Тут меня прорвало... и я ему: «Прежде, чем назвать женщину „Зайкой“, подумай: хватит ли у тебя капусты? Да и не подведет ли морковка?» Он и начал мне хамить. Видно, переборщила-то я с морковкой. И когда сказала ему, что он мне в душу наплевал, в ответ услышала: «Не надо раздвигать ноги на ширину души, когда от тебя хотели только секса». Потом узнала, что он бабник со стажем.

– Да, – признала я, – бабник – он общий, как книга в библиотеке. Почитала сама, оставь почитать другим. С такими плохишами лучше не связываться.

– Да нет. Думаю, в целом он не плохой. Просто у нас цели не совпадают: он ищет, с кем спать, а я – кого любить.

– Главное – не тащить бабника под венец, иначе замучаешься потом вытаскивать его из чужих постелей.

– До этого у меня дело дойдет не скоро. Я как будто заговоренная.

– А как ты с ним познакомилась? Неужели не рассмотрела, с кем?

– По пьяни. Провели ночь охренительного секса, вот за него и уцепилась. Показалось, что влюбилась, а потом поняла: алкоголь и влюблённость – официальные спонсоры глупостей. А вообще, на что похожа любовь? Ты ведь у нас эксперт по этому вопросу.

– Не подкусывай. Я же не виновата, что ты не встретила любовь всей своей жизни. Если одним предложением, то,

примерно, так: когда любишь, каждая минута таит в себе миллион новых ощущений. А вообще-то, любят, потому что любят, не любят – потому что не любят... логика чувств и страстей коротка. Когда человек любит, у него открывается сердце. Из своего опыта, конечно. Больше не знаю, что тебе сказать. Просто ставь перед собой задачу посложнее: не знакомься со всеми подряд. И постарайся понять логику того мужчины, с которым бы ты хотела прожить жизнь.

– Ой, не смей меня... Логика у всех мужских особей одинаковая: «Тебе холодно? Прижмись ко мне. Тебе жарко? Разденься...»

– Черт возьми, Шанна! Ну почему ты любой разговорводишь к сексу! Поменяй свой подход к отношениям полов. Ты все так упрощаешь!

– Я трезво смотрю на жизнь и воспринимаю ее такой, какая она есть. Это ты у нас с самого начала была не от мира сего. Я не помню ни одного парня, с которым бы ты встречалась...

– А зачем я должна была это делать, если мое сердце было отдано Бретту?

– Не Бретту, а его фотографии.

– Какая разница? Я все равно не смогла бы встречаться с кем-то еще. Я, скорее всего, по своей природе однолюбка. И для чего я должна была разменивать золото своего чувства на медяки краткосрочных, ни к чему не обязывающих связей?

– Ладно. С тобой поговорила – еще хуже на душе стало. Не стану перед тобой хохориться. Скажу честно: вот у меня постоянно спрашивают: как дела? Мои мысли: «Фигово. Одиноко. Грустно. Больно. Тяжело. Сердце болит». А отвечаю всегда: «Отлично». Ты первая от меня услышишь сейчас: «Хреново».

– Спасибо за доверие! Надеюсь, не последний раз. А теперь нам пора идти к своим руководителям дипломных работ. Звони. Не пропадай. А если найдешь время – приезжай в гости.

– Здорово! Приеду обязательно. Надо же посмотреть, как живут сицилийские мафиози-миллионеры.

– Ты опять? – не сдержалась я.

Шанна рассмеялась и, чмокнув меня в щеку, пошла, не оглядываясь, через парк ко второму корпусу. А мне почему-то стало грустно.

Настроение подняла мысль о Бретте, которого я безумно люблю и который, я была уверена, не меньше любит меня.

Глава 20. БРЕТТ

Да, прошедшая ночь была фантастической, несмотря на мой опыт сексуальных отношений. Меня заводила лучше всякого афродизиака безусловная доверчивость Даны в минуты нашей интимной близости. Она отдавала себя мне без остатка, обнажаясь не только телом, но и душой. Удивительная женщина.

У меня внутри такое ощущение, что я люблю Дану, как путник, мучимый жаждой, тянется к воде. Но, в отличие от него, испив удовольствие и удовлетворив страсть, я не теряю к ней интереса. Наоборот, он разгорается во мне, словно костер.

Принято считать, что мужчина любит женщину всем своим умом и телом. Неправда. Помимо этого, я люблю Дану всем сердцем и всей душой.

Как-то я слышал чье-то мнение, что мужчина и женщина созданы, чтобы любить друг друга, но не жить вместе. Поэтому все прославленные любовники жили врозь. Что ж, я даже в мыслях не захотел бы стать прославленным любовником. Лучше я буду обычным смертным, лишь бы знать, что рядом со мной любимая женщина, что я, засыпая и просыпаясь, крепко обнимаю ее.

Почему-то, несмотря на приятные мысли и воспоминания, мне было как-то не по себе. Необъяснимо, но мои ощу-

щения были сродни тем, которые испытываешь перед дождем. Каждый знает и помнит эту липкую духоту, которая, как паутина, облепляет лицо и всё тело, не давая дышать. Все то и дело взглядывают на небо и с вселенской надеждой в голосе шепчут: «Жарко... К дождю, наверное...». Как же невыносимо долго тянутся эти бесконечные часы и минуты ожидания благословенной свежести, дождя, который принесёт облегчение всему живому, смоев пыль с тусклого мира, напоит цветы и деревья.

Что-то меня не туда потянуло. А если честно, на душе хреново, все в ней сжалось в ожидании, конечно, не ливня, а неприятностей. Я мог бы и отмахнуться от подобной чепухи. Но не мог, так как безоговорочно доверял своей интуиции, которая всегда была для меня надежным барометром.

Я сидел в кабинете с отрешенным видом и вздрогнул, когда услышал по селектору голос Албы:

– К вам Дэвид по вашему поручению.

– Пусть заходит, – бросил я коротко и откинулся на спинку кресла, чтобы выслушать его в непринужденной обстановке.

Дверь открылась, и Дэвид несколько скованной походкой подошел к столу и сел на предложенный стул.

– Добрый день, босс! В отведенные сроки вложился. Принес фото. Мне кажется...

– Никогда при мне не говори, что тебе что-то там кажется, – взорвался я, понимая, что напряжение, вырвавшееся

наружу, не делает мне чести. При любых обстоятельствах я должен соблюдать спокойствие, хотя бы его видимость, чтобы мои подчиненные не могли вычислить мою ахиллесову пяту, но все правила летели к черту, если дело касалось Даны.

Взяв себя в руки, я посмотрел на Дэвида. Он не опустил плечи и не втянул в них голову, просто лицо несколько побледнело. Не став извиняться за свою несдержанность, я молча протянул руку. Так же молча он дал мне фотографию. Я стал пристально её разглядывать.

Да, девушка была очень похожа на Дайану, но... в её лице было что-то хищное, в отличие от моей доверчивой и открытой девочки. Славянский тип однозначно. В глазах, правда, нет глубины души, всё закрыто на замок. Они серые и не такие выразительные, как у Даны. Да и цвет волос русый, ближе к темному.

Фигура красивая, однако в ней нет изящества, которое так привлекло меня в моей невесте. И аристократизма в чертах лица недостаточно. Если сравнить их обеих, эта девушка выглядит более броско, но нет в ней «породы», как у моей малышки. Тем не менее, типаж абсолютно подходил к тому, что я задумал.

Я поднял глаза и посмотрел на Дэвида:

– Хорошая работа. Благодарю. А теперь подробно расскажи, кто такая, откуда и где ты её нашел.

Девид облегченно выдохнул:

– Она из Словакии. Зовут Милена Хорватова. Ей двадцать шесть лет. Была два года на содержании одного француза из Лиона.

– Чем занимается?

– У него сеть спортивных магазинов по всей Франции. Богатый мужик. Когда он был Японии по коммерческим делам, его экономка застала её в постели в водителем-итальянцем, который жил в комнатах над гаражом. Позвонила хозяину, и тот приказал выдворить её с одним чемоданом без драгоценностей, которые он ей дарил.

Она искала счастья в Париже – не нашла. Попыталась найти себе кого-нибудь в Ницце, но нужная рыба не клюнула, и она ограничилась связью с хозяином прибрежного кафе, поселившись у него и иногда помогая в кафе кем-то типа администратора зала. Я наблюдал за ней. По натуре хищница, которая всё еще в поиске.

– В принципе, такая мне и нужна. Привези её мне послезавтра к девяти часам вечера ко мне на квартиру, но так, чтобы она не видела ни улицы, ни номера дома, ни квартиры. Словом, ты знаешь, как всё нужно сделать. Мне необходимо с ней поговорить тет-а-тет, а по результатам разговора решу, что с ней дальше делать. Может, придется отправить назад.

– Понял, босс. Я могу идти?

– Да. Свободен.

Дэвид ушел, а еще долго рассматривал фотографию, пытаясь понять, что собой представляет девушка и как отреаги-

рует на мое предложение. Конечно, внешне она подходит, да и то, что я узнал о ней, обнадеживает, но сомнение не давало покоя. Интуиция в глубине души предостерегала не связываться с ней. Но разве у меня был выбор? Время играет против нас с Даной, поэтому мне нужно первому сделать ход, иначе опоздаю.

Отправить ее на Сицилию к матери? Там она будет в относительной безопасности, но у нее скоро выпускные экзамены, и Дайана никогда не согласится пропустить их. Словом, ситуация безвыходная.

Может, рассказать ей правду о том, что Арман объявит охоту, если уже не сделал этого, на кого-то из нас? Быстрее всего, на неё, так как знает, что Дана мне очень дорога, что только она является слабым местом в моей броне. И также знает то, что я никогда не прощу себе, если с ней случится что-либо плохое.

Так и не придя к единому знаменателю, я поехал домой. Дайана еще не вернулась с занятий. Посмотрев на часы, которые показывали половину восьмого вечера, я начал волноваться и сразу же позвонил ей.

Дана откликнулась моментально, словно ждала моего звонка.

– Ты где? – спросил я, приводя в порядок расшалившийся пульс.

– На половине пути к дому. А что случилось? У тебя какой-то напряженный голос и в нем присутствуют резкие нот-

ки...

– Уже поздно, а тебя нет дома. Естественно, я волнуюсь.

– Успокойся и не нервничай понапрасну. Со мной в машине три охранника и сзади нас сопровождают еще два. Все вооружены. Что может со мной случиться?

– Всё, что угодно. Ты слишком легкомысленно оцениваешь ситуацию с Кавелье.

– Возможно. Но и драматизировать её не стоит. Давай просто жить и наслаждаться каждым днём. А там будь, что будет.

Я только тяжело вздохнул в ответ, поскольку убедительных слов в одночасье не нашел. Но зато принял твердое решение серьёзно поговорить с Даной.

Через полчаса она вошла в дом, радостная и улыбающаяся. Бросив сумку, подошла ко мне и, отпив из моего бокала пару глотков Брунелло ди Монтальчино, села на колени и стала целовать мое лицо.

– Ты такой напряженный. И не обнимаешь меня, а я сильно соскучилась...

Разве мог я после этих слов остаться равнодушным к женщине, которую люблю больше собственной жизни? Отставив бокал с вином, я прижал её так сильно, что она охнула, но из объятий не освободилась. Мои поцелуи были неистовыми. В этот момент я не желал её как женщину, просто хотел слиться с ней так, чтобы мы стали единым целым.

В дверь столовой постучала Лучия. Я разрешил ей войти.

– Можно подавать ужин? – спросила она.

– Ставь на стол всё, что у тебя приготовлено. Я очень хочу есть, – сказала Дана и соскочила с моих колен.

– Я помою руки и вернусь, – сказала она, послав мне воздушный поцелуй.

В ожидании ужина я допил вино и поставил початую бутылку на стол. Дайана вошла в столовую с подправленным макияжем и причесанными волосами, которые я умудрился растрепать.

Ужин прошел в беседе ни о чем, но мысленно я готовился к разговору с Даной. Она заметила мою сосредоточенность и спросила?

– У тебя неприятности?

– У нас. И мне нужно обсудить с тобой возникшие проблемы.

– Ты о Кавелье?

– Да. И то, что я скажу тебе, очень серьезно. Я надеюсь, что именно так ты отнесешься к информации, которую сейчас узнаешь.

Дайана несколько побледнела, но взгляд от моих глаз не отвела.

– Я слушаю, сказала она чуть охрипшим от волнения голосом.

– Кавелье сейчас на Осторики, зализывает раны от перенесенного униженного. Но мой человек, который уже давно шпионит за его семьей, а сейчас за ним, сообщил мне, что

он очень часто закрывается в кабинете с тремя своими доверенными лицами. О чем они говорят, неизвестно, но даже при случайном упоминании моего имени взрывается и жестоко срыгает злость на своих слугах. Двое из них уже умерли от нанесенных им смертельных ран. Мой человек работает в качествеслуги, а потому более близкого доступа к Кавелье у него нет. Но это всё же лучше, чем ничего. Это позволяет мне отслеживать передвижения не только Армана, но и его верных псов.

Дайана внимательно слушала меня, ни разу не перебив уточняющими вопросами. Когда я замолчал, она посмотрела на меня вопросительным взглядом, все еще не решаясь заговорить.

– Я догадываюсь, что ты уже продумал, что нужно делать, – несколько неуверенно сказала она.

Я кивнул головой и налил себе еще вина. Дана сделала тоже самое, уселась поудобнее и стала ждать, когда я познакомлю её со своим планом.

Не торопясь, я достал из внутреннего кармана пиджака фотографию Милены. Дана стала внимательно ее разглядывать.

– Кто это?

– Словачка. Милена Хорватова. Ей двадцать шесть лет.

– Она чем-то похожа на меня. Правда, если вставить зеленые линзы и осветлить волосы, эта схожесть увеличится. Почему эта фотография у тебя? Твоя бывшая любовница?

– Не говори глупостей. Я эту женщину даже не знаю.

– Тогда не морочь мне голову и объясни, что ее фотография делает в нашем доме?

– Я хочу сделать ее своим шпионом и подсунуть Арману в качестве любовницы. Когда мы добьемся большего схождения Милены с тобой, увидев её, Арман не устоит перед тем, чтобы вымещать на ней свои сексуальные фантазии, представляя на ее месте тебя. Да, замена – не оригинал, но какое-то время мы выиграем.

Милена будет докладывать мне о всех его планах, которыми он будет, и я не сомневаюсь в этом, делиться с ней во время постельных утех. У Армана не все в порядке с психикой, и, представляя тебя рядом с собой, будет откровенен, так как этим он будет тешить свое самолюбие, рассказывая «тебе» в образе Милены, что он сделает со мной и как отомстит.

Правда, и о «тебе» забывать не будет, используя все доступные ему средства садо-мазо.

– Ты сошел с ума! – воскликнула Дана. – На что ты собираешься обречь девушку?

– Естественно, заставлять ее проходить через это я не буду. Я просто её куплю. Она из тех, которые любят деньги, а потому готовы рядом с собой терпеть любого мужчину, лишь бы он её содержал и удовлетворял все запросы. А находясь с Кавелье, она получит двойную оплату: одну от меня, другую от Армана.

– Но ты должен предупредить её о его извращенных сек-

суальных вкусах. Может, она не захочет с ним связываться ни за какие деньги.

– Естественно. Она будет подробно проинформирована обо всем, что связано с осториканцем. Но, думаю, что ее ничто из услышанного не испугает.

– Почему?

– Интуиция. Посмотри внимательно на её лицо, глаза – и ты согласишься со мной. Всё ограничится торгом с ее стороны, то есть ценой, количеством евро, которые Милена запросит за свои услуги. Но я готов быть максимально щедрым.

– Ты хочешь сказать, что она из продажных женщин?

– Не хочу, а уже озвучил это. Вся её предыдущая жизнь во Франции – яркое тому подтверждение.

Дана сидела, опустив голову, и что-то обдумывая. Потом посмотрела на меня и сказала:

– Всё это, конечно, дурно пахнет, но выхода другого нет. Я правильно поняла?

– Пахнет не дурно, а реальной жизнью, – возразил ей я. – Стать приманкой для Армана, а потом его любовницей будет исключительно ее выбором, если, конечно, согласится на мое предложение. Так как в мире испокон веков вплоть до сегодняшнего дня всё продается и покупается, не вижу ничего дурного в том, что я задумал. Все риски, каждый синяк на её теле, все моральные и физические издержки будут Милене хорошо оплачены мною. Так что в обиде она не бу-

дет.

– Ты будешь подписывать с ней контракт?

– Конечно. Правда, как юридический документ он не правомерный, но, чтобы держать ее на крючке, – подойдет. К тому же этот контракт будет для Милены своеобразным успокоительным средством. В моем банке откроют счет на ее имя, и я перечислю на него половину суммы, а вторую часть, – когда ее услуги мне больше не понадобятся. Так что после окончания «работы» она станет довольно богатой женщиной.

– Что ж, поступай, как считаешь нужным. У меня в подобных делах опыта нет. А не сорвется она с твоего крючка со всеми деньгами?

Я улыбнулся наивности вопроса. От мафии еще ни один человек не сумел скрыться: ни в песках, ни в джунглях, ни в горах... Даже под землей мы находим тех, кто нам был нужен, несмотря на то, что они уже были трупами. Но об этом я своей девочке, естественно, не сказал. С неё достаточно той информации, которую она получила.

Мы в молчании допили свое вино. Потом поднялись в спальню, но что-то невидимое продолжало стоять между нами. Помимо этого, меня не отпускало предчувствие чего-то нехорошего, связанного с моей затеей. Какая-то мысль не давала мне покоя, но я никак не мог поймать её и разобраться, от чего она меня предостерегает. В эту ночь мы просто заснули в обнимку, чувствуя тепло друг друга.

В назначенное время в моей квартире прозвучал звонок. Я открыл дверь. Передо мной стояла девушка в повязке на глазах, а чуть поодаль Дэвид. Я показал ему, что через полтора часа он может её забрать.

Проведя Милену в квартиру, я позволил ей снять повязку и предложил присесть в кресло.

– К чему такие предосторожности? – недовольно спросила она, оглядываясь, а потом перевела свой взгляд на меня.

Я был в черной вязаной маске с прорезями для рта и глаз. Мы какое-то время молчали, принаравливаясь к обстановке. Милена заговорила первой:

– Какие услуги от меня требуются? – спросила она прямо.

– Мы о них поговорим чуть позже, а сейчас меня интересует, на что вы способны пойти ради большой суммы денег.

– На всё, кроме убийства. И зависит от того, что вы подразумеваете под большой суммой денег.

– Миллион евро вас устроит?

– Даже киллерам платят меньше за выполнение заказа. Что же я такого должна сделать, чтобы мне заплатили такие деньги?

– Об этом, как я уже сказал, чуть позже. Тем не менее, чтобы продолжить наш разговор, вы должны мне ответить, как относитесь к садо-мазо в сексуальных отношениях. Они вам неприемлемы, или вы относитесь к боли в подобных случаях лояльно?

И тут по выражению лица девушки я увидел, как быстро

начали вращаться шестеренки в её голове. Затем глаза настолько алчно заблестели, что меня передернуло.

– Миллион двести, – сказала она.

– Я не торгуюсь. Названная сумма окончательная. Если вас устраивает, мы продолжим разговор. Если нет, прощаемся и забудем о нём. Есть и другие. Так что на вас свет клином не сошелся, как говорит моя невеста. Вы мне до сих пор не ответили.

– Садо-мазо меня не пугает. У меня есть небольшой опыт в таких отношениях. Я нужна вам?

– Нет. Другому человеку.

– Какие условия?

– Контракт. Пятьдесят процентов сразу на открытый счет в банке, остальные после выполнения задания. Плюсом пойдет необходимая для этого фирменная одежда и обувь, которая останется вам.

– Драгоценности?

– Минимальные.

– Я должна сразу ответить?

– Да. Второй встречи по этому поводу не будет. И имейте в виду: после того, как я озвучу задание, сумма оплаты увеличена не будет. Ни при каких обстоятельствах. И если вы на этом этапе передумаете, возникнет проблема.

– Какая?

– От вас придется избавиться. Как от нежелательного свидетеля. Физически.

Милена вздрогнула и испуганно посмотрела на меня.

– Так что у вас есть несколько минут, чтобы принять окончательное решение.

Я поднялся и пошел к бару. Взяв два стакана, плеснул в них джина Gordon's, к которому имел слабость, находясь в напряженном состоянии. Один дал девушке, а сам сел в свое кресло, смакуя глотками любимый напиток и незаметно наблюдая за ней.

Милена держала стакан в руке, не обращая на него никакого внимания. По ней было видно, что ее раздирают противоречивые чувства. Потом одним глотком выпила джин и, даже не сморщившись, посмотрела на меня:

– Я принимаю ваше предложение.

– Тогда подписываем контракт.

– И вы не объясните мне прежде суть моего задания? Или она изложена в контракте?

– После того, как поставите подпись, я детально познакомлю вас со всеми нюансами предстоящей работы. В контракте написано другое. Он нужен не мне, а вам, чтобы вы были спокойны относительно оплаты. И помните: подписавшись под документом, вы или обеспечите себе безбедную жизнь, если с умом вложите деньги, а не потратите их на пустяки, или поставите на ней крест.

И опять в гостиной повисла тишина. Милена протянула мне стакан и попросила:

– Налейте еще.

Как и первый раз, она выпила джин залпом, а потом протянула руку к контракту, который лежал на столике недалеко. Взяв его, девушка очень долго читала, хотя он поместился на одной странице.

– Откуда у вас данные моего паспорта?

– Мне они были необходимы. Получить их не составило никакого труда для моих людей. Ну так что? Подписываете?

– Да, – сказала Милена и поставила на контракте размашистую подпись, – хотя это всего лишь бумажка, с которой я могу сходить в туалет.

Я усмехнулся про себя, подумав, что у девушки есть мозги, и, чтобы закончить с прелюдией, спросил:

– Вы хорошо подумали? Я могу в эту минуту дать вам возможность разорвать его и уйти.

– Если я принимаю решение, то не отступаю от него.

– Похвальная особенность характера. Тогда скрепим сделку. Вам вина или снова джина?

– Вина не люблю. Предпочитаю качественный виски, – ответила Милена. И мы отсалютовали друг другу стаканами с Johnnie Walker Black Label.

Я передал ей номер счета, открытый на её имя, чтобы она убедилась онлайн, что на нем уже лежат пятьсот тысяч. Девушка положила карточку в сумку, и, хотя внешне пыталась не показать своего зашкаливавшего волнения, слегка дрожащие пальцы выдавали её.

Чтобы не мучить девушку, я сначала детально охаракте-

ризовал, что собой представляет Арман Луи Кавелье, какие у него привычки, где любит отдыхать. Но самое трудное для меня было впереди. Мне пришлось описывать ей, какая девушка может привлечь его внимание, в подробностях передав особенности поведения Дайаны.

– Ему нравятся воспитанные девицы из девятнадцатого века? Неуверенные в себе?

– Первое в точку, а второе мимо. Нравятся уверенные, но не показывающие этого, но главное – вызывающие желание защитить их, спрятать от жестокостей окружающего мира. И умные. Под силу вам предстать такой перед Арманом? У вас, если честно, несколько другой типаж. Если сказать мягко.

Милена тотчас отреагировала на мои слова, с обидой сказав:

– Мне приходилось выживать всеми доступными мне средствами, а потому перечисленным вами качествам в моей жизни места не было. Тем не менее, я способна сыграть перед Кавелье наивную куклу.

Это будет грубейшей ошибкой, – предостерег я. – Наивных дурочек он не подпустит к себе за милую. Нужно предстать перед ним женственной, мягкой, доброй, ненавязчивой, понимающей свое место рядом с мужчиной, воспитанной даже в мелочах, со вкусом одетой, без малейшего намека на вульгарность, ... и умной, в смысле умеющей поддерживать в нужный момент разговор.

Девушка какое-то время сидела молча, потом сказала:

– Слишком завышенные требования. Вряд ли в наше время найдутся подобные девушки.

– Вы ошибаетесь. Их мало, но они есть.

– Или притворяются таковыми, – упорствовала на своем Милена.

– Вот и вы притворитесь. Это вам под силу?

– Конечно. Я же несостоявшаяся актриса несмотря на то, что закончила факультет драматического искусства в Академии искусств в городе Банска-Быстрица.

– А почему изменили профессии?

– В кинематограф не приглашали, а в театре платили гроши за третьестепенные роли, так как я была не своей, со стороны, вот и уехала во Францию счастья искать.

– Тогда у вас появилась уникальная возможность проявить все свои актерские таланты. Представьте, что вы снимаетесь в кино и каждый дубль единственный, потому что его нельзя переснимать. А значит нужно сыграть свою роль на самом высоком уровне. Сможете?

Наверное, вопрос насыпал соли ей на рану или надавил на болезненную точку, поскольку Милена потрянула головой и, еле сдерживая раздражение, произнесла:

– Не сомневайтесь. Во мне актерство с рождения.

– Тогда пойдем дальше, – сказал я. – Необходимо осветлить волосы до золотистого оттенка, вставить в глаза зеленые линзы, подобрать себе гардероб. Я дам тебе в помощь

дизайнера, которая учтет абсолютно все в твоей внешности, и вложится в рамки выделенных на это средств. Я перешёл на «ты», поскольку решил, что с официальной частью покончено и между нами начались обычные рабочие отношения.

– А сколько я могу потратить? – не выдержала Милена.

– Не забивай этим свою голову. Она нужна тебе для более серьезных дел. Однако сейчас я расскажу, какие сведения нужно передавать мне по мере их накопления и степени важности.

После того, как Арман обратит на тебя внимание и предложит жить у него, необходимо войти к нему в доверие настолько, чтобы в отношении тебя у него и полмысли сомнений не возникло. Всё, что будет сказано им в адрес Бретта Джардини или Дайаны Павловской, ты должна запоминать слово в слово и передавать мне в условленном месте. Не просто досужие разговоры, а большей частью намерения Армана относительно них.

– Я читала в глянцевых журналах об этом красавчике-сицилийце. Да и имя Армана Кавелье встречалось не раз. У них что, война?

– Я не знаю больше того, что мне положено.

– Так ты его правая или левая рука, раз занимаешься подобными делами? Дай угадаю: ты начальник его охраны или какой-то секретной службы.

– Да, близко к правде.

Милена довольно улыбнулась, но не успокоилась на этом:

– Дай еще угадаю: весь сыр-бор между двумя мужиками из-за этой Дайаны? Ну и дураки... других девушек что ли нет. Ну да ладно, не моё это дело. Задание поняла: мне надо стать любовницей Армана, играть роль благородной девушки из прошлого века, наделенной самыми лучшими женскими качествами, и при этом осуществлять шпионскую деятельность с явками и донесениями. Я все учла?

Мне нравились ее острый ум, деловая хватка, но в то же время что-то настораживало. Что именно, определить не мог, а потому ограничился подтверждением того, что девушка перечислила.

– По поводу того, что я тебе сказал, да. Но ты должна иметь хотя бы минимальное представление об Армане Кавелье. Это самец, имеющий определенную харизму. Он не терпит, что в «его» увлечениях разбирается кто-то лучше него. Ведь он во всем привык быть первым! Поэтому во время беседы будь исключительно внимательным слушателем и не перебивай его. Иногда выскажи свое мнение, однако оно должно быть в унисон с его, но с изъятиями. Кавелье всегда должен ощущать, что он выше и умнее тебя в рассуждениях, на какие бы темы вы с ним не беседовали. Он не терпит противоречий себе. Ни в чем.

Не вздумай намекнуть ему, что ты сильная женщина, и даже в незначительных мелочах не показывай ему этого. Еще раз подчеркну: старайся быть нежной, милой, слабой. Ни в коем случае не дави на Армана, не будьте «сладкой» и на-

вязчивой. Он из тех мужчин, которые постоянно добиваются своего. Словом, «охотник». Если ты быстро станешь для него доступной, у него к тебе сразу же пропадет интерес. Но не переусердствуй. Долго «охотиться» ему надоедает.

– И последнее. Ты Марсель знаешь хорошо?

– Да. Я два года жила здесь до того, как переехала в Лион.

– Ты получишь номер телефона. Назови его каким-то женским именем, сестра или подруга Марта. Это как пример. Будешь звонить по нему и назначать встречу, когда у тебя будут серьезные сведения.

– Приходить на встречу будешь ты? Потому что я не буду передавать никаких сведений человеку, которого не знаю.

– Да. Бретт никому больше не доверяет, кроме меня. И ещё. Надеюсь, ты понимаешь, что за эту работу тебе будет идти двойная оплата – от Джардини и Кавелье и что сама по себе ты никогда бы не вышла на такого богатого любовника. Так что работай с полной отдачей. Если войдешь в роль, не исключено, что задержишься у него надолго.

Я продиктовал ей необходимый номер телефона, и в этот момент прозвенел дверной звонок. Я протянул Милене полоску ткани, которой она завязала глаза, и приказал подождать в кресле, а сам направился к Дэвиду. Дав ему задание поселить девушку в съемной квартире и поставить за ней наблюдение, разрешил ему её забрать.

Когда они ушли, мысленно прокрутил весь наш разговор и прислушался к своим ощущениям. Я не сомневался

в том, что такая прожжённая стерва окрутит Армана и войдет к нему в доверие. Насколько это возможно, конечно, поскольку этот осториканец не доверял ни отцу, ни родному брату, но женщина – это другое. Ей часто бывает под силу то, что кажется недостижимым.

Но, наряду с этим, червь опасности точил меня изнутри. И тут я вспомнил слова деда «Если ты отважно смотришь в лицо опасности, ты уже уменьшаешь её наполовину. Что бы там ни было, никогда не беги. Никогда!»

Я и не собирался бежать, но, где будет поджидать меня опасность, я не имел ни малейшего представления. То, что она связана с Кавелье, не вызывало никаких сомнений. Но конкретно откуда получу удар, я не знал. Может, послать на встречи с Миленой Дэвида? Но могу ли быть безоговорочно в нем уверен? Отнюдь. Я понимал, что, будучи *sarofamiglia*, не должен этим заниматься сам, но не мог рисковать Дайаной. Она – самое дорогое, что есть в моей жизни.

Вернулся домой около полуночи. Моя девочка сидела в гостиной, ожидая меня. Обложенная книгами и конспектами, она выглядела особенно трогательно. Увидев меня в дверях, Дана вскочила и, не обращая внимания на полетевшие на пол тетради, бросилась ко мне.

– Ну наконец-то! – вскрикнула она, бросаясь мне на шею. – А я всё читаю – читаю, но мысли мои с тобой.

Никак не могу сосредоточиться на занятиях. Только и думаю, где ты... Хотела позвонить, однако не решилась,

не зная, чем ты занят. Всё ждала, что это сделаешь ты.

– Прости, родная, я мог бы позвонить, когда ехал домой, но погрузился в другие мысли.

– Я понимаю, что у тебя забот невпроворот, но, пожалуйста, находи минутку, чтобы вспомнить обо мне. Ведь я очень переживаю, зная, что ты... ходишь по лезвию ножа.

– Точнее, что надо мной висит секира правосудия? – решил пошутить я, но мои слова вызвали обратный эффект: на глазах у Даны заблестели слёзы.

Я поднял её на руки и стал укачивать, как ребенка, шепча на ухо, что я заговоренный и со мной ничего не случится. Она успокоилась и, освободившись, встревоженно спросила:

– Ты ведь голодный? А я тут со своими переживаниями. Лучия, наверное, легла спать, поэтому я сама накормлю тебя тем, что она приготовила на ужин.

Потом я рассказал ей о своём разговоре с Миленой. Дана слушала внимательно, переспрашивая отдельные моменты, а потом вдруг спросила:

– Ты уверен, что она не переметнется на сторону Кавелье, став двойным агентом, или, что еще хуже, будет полностью работать на него, водя тебя за нос?

– Я ни в чем не уверен. Просто предпринимаю этот шаг на свой страх и риск.

– Знаешь, из того, что ты рассказал, у меня сложилось о ней не лучшее мнение. Мне кажется, она способна на двойную игру и в итоге выберет из вас двоих того, от которого

ей больше достанется. И вашим, и нашим – это значит себе. Милена, по всей видимости, именно из таких.

– Я согласен, любовь моя, с твоими суждениями, но найти женщину, которой можно будет довериться, весьма проблематично. Фактически нереально. Зная Милену, я постараюсь максимально подстраховаться, чтобы не было никаких неожиданностей.

– Бретт, ты не преувеличиваешь опасность от Армана?

– Девочка моя, ты слишком далека от того мира, в котором обитаем он и я. Я знаю его законы, ты- нет. К тому же Кавелье – самолюбивый психопат, возомнивший себя всемогущим. Как ты думаешь, на что способен человек, убивший собственного отца и брата? Есть у него что-то святое в душе? Я далеко не ангел, убивал сам и отдавал приказы другим, но на такие поступки не способен. Просто соответствовал миру, в котором родился, рос и продолжаю пребывать.

Так что, поверь мне на слово, Арман жалости к тебе не проявит, а ко мне тем более. Я его смертельный враг, с которым он не применит расправиться. Причем, коварным способом. Он не будет действовать открыто, а нанесет удар исподтишка, в спину. Единственное, чего я боюсь, что он сначала доберется к тебе и применит изощренные способы насилия, а я не смогу этого предотвратить. Так что будь на чеку и предельно осторожной. Даже на метр не отрывайся от охранников. Они сумеют защитить тебя даже ценой собственной жизни. Если я буду уверен, что ты в безопасности,

мне легче будет, не отвлекаясь, контролировать ситуацию.

– Это обязательно, чтобы они стояли в коридоре под дверями аудитории, а Келл вообще постоянно сидел рядом со мной? На меня уже все косятся. Даже преподаватели.

– Пусть косятся. Через месяц ты никого из них больше не увидишь. Получите дипломы и разбежитесь в разные стороны. А сейчас безопасность для тебя превыше всего.

– Я всё поняла, Бретт. Не волнуйся обо мне. Я не сделаю ни одного неосторожного шага, – сказала Дана и прижалась ко мне. – Только пообещай беречь себя.

– Только тем и занимаюсь, малышка, как встретил тебя, – сказал я, смеясь.

Глава 21. ДАЙАНА

Утром, проснувшись, я некоторое время лежала, обдумывая наш с Бреттом разговор. Мне было страшно, чего я никак не могла себе объяснить. Хотелось, чтобы он отказался от этой Милены и придумал что-то другое. Но мои предчувствия, что она несет в себе опасность, – не доказательства. Возможно, я излишне драматизировала ситуацию, поскольку не имела ни малейшего опыта выживания в мафиозной среде.

Мы с Бреттом уже назначили день нашей свадьбы – седьмого сентября. Она будет проходить на Сицилии, поскольку у них так принято. С его матерью я еще незнакома, но уже заранее чувствую, что ей не понравлюсь.

Сегодня вечером в ресторане мы встречаемся с её старшим братом Анселмо Риччи, который спит и видит, чтобы Бретт избавился от меня. По его мнению, безродная русская не может быть женой их сарofamiglia. Я боюсь этой встречи, но избежать её не могу.

Платье я себе уже подобрала, как и туфли, а ещё украшения, которые подарил мне Бретт по этому случаю: великолепное кольцо, серьги и браслет с изумрудами. Я должна предстать перед его дядей во всем блеске.

Почему-то я всегда считала, что особенно неотразимой, невероятной и прекрасной во всех отношениях женщина

становится тогда, когда надевает платье. Поэтому во время посещения ресторанов, художественных выставок и других мероприятий предпочтение отдавала исключительно платьям в отличие от других женщин, увлекавшихся брючными костюмами.

Именно в платье я чувствовала себя легкой, изящной, чувственной или сексуальной – все зависело от того настроения, которое я хотела передать своим нарядом. И помогали мне в этом вечерние коктейльные платья, которые не только позволяли мне создать неповторимый образ, но и давали возможность чувствовать себя комфортно целый вечер.

Благо, что у меня нет сегодня консультаций в бизнес-школе, поэтому я могу поехать в косметологический салон и привести себя в идеальный порядок. Правда, от замысловатой прически Бретт меня отговорил, сказав, что мои волосы сами по себе произведения искусства. Я ему, конечно, не поверила, зная, что влюбленный человек склонен к преувеличениям, но, тем не менее, остановилась на распущенных, подвитых до крупных локонов волосах.

День промелькнул незаметно. Бретт позвонил, что выехал домой переодеться и забрать меня. Я начала сборы. Так как мне уже нанесли на лицо соответствующий мероприятию вечерний грим, который был по моей просьбе неброским, я надела чулки, туфли и стала ждать Бретта, поскольку не могла сама застегнуть на спине потайную молнию.

Он вошел в мою гардеробную настолько быстро, словно

подслушав мои мысли.

– Ты еще не одета? Или это намёк мне? – спросил Бретт, хитро улыбаясь.

Я замахала руками в протесте:

– Просто я не могу застегнуть молнию, а ты о каких-то намёках. Постой минутку. Сейчас я одену платье.

Бретт быстро справился с заданием и пошел в свою гардеробную. Я же надела украшения и посмотрела на себя в зеркало.

Для встречи с его дядей в ресторане я выбрала платье, зеленый цвет которого делал мои глаза еще более выразительными. Их блеск и цвет соперничали с изумрудами в моем ожерелье. Его фасон не был затейливым, без всяких ажурных вставок и органзы. Это было платье-бюстье с лифом в форме сердечка было элегантным и подчеркивало мои красивые покатые плечи и тонкую талию. Юбка была умеренно пышной и длиной не достигала колен. Её низ был окантован пятисантиметровым атласом более темного, насыщенного зеленого цвета.

Я подготовила элегантный клач, благодаря которому мое вечернее коктейльное платье становилось нарядом для настоящей леди. Единственное, что вызывало мое сомнение – оригинальная шляпка. Я никак не могла определиться, надевать мне её или нет. Эту проблему решил Бретт, без слов поняв мои внутренние терзания. Он вынул ее из моих рук и положил в открытую шляпную коробку, а потом, поцело-

вав меня в нос, предложил свою руку. Так мы и спустились по лестнице.

Автомобиль с неизменными Амато и Келлом уже ждал нас, а за ней еще один. Когда мы выехали на шоссе, я показала глазами, чтобы Бретт поднял межсалонную перегородку. Он тотчас нажал на кнопку и вопросительно посмотрел на меня:

– Я боюсь встречи с твоим дядей, -слегка охрипшим от волнения голосом сказала я.

Потом, прокашлявшись, добавила:

– Он против того, чтобы ты женился на мне, и я не знаю, как ему понравиться.

– Ты должна нравиться мне. Это, во-первых. А во-вторых, сегодняшняя встреча исключительно дань уважения к нему как к старшему по возрасту члену нашей семьи. Не более. Он не должен нам давать ни свое согласие, ни свое благословение. Анселмо Риччи ничего не решает в нашей с тобой жизни, поэтому все свое недовольство он может оставить при себе и упиваться им, если это доставляет ему удовольствие. Оставайся сама собой. Я не хочу, чтобы ты играла несвойственную тебе роль. Я буду рядом и не дам тебя в обиду, если дядя словесно попытается испортить тебе настроение.

Взяв меня за холодные пальцы, Бретт покачал головой:

– Ты же у меня смелая девочка! Почему беспричинно трусишь?

– Я сейчас соберу себя в комочек, – рассмеявшись, пообещала.

щала я и поцеловала Бретта в щеку. Он налил нам по бокалу шампанского и сказал:

– Для смелости!

Мы выпили – и действительно предстоящая встреча уже не казалась мне такой страшной.

Приехав в ресторан, в котором я еще не была, мы пошли к заказанному столику. Дядя Бретта уже ждал нас. Пока мы шли, я все время ощущала на себе его любопытный и одновременно тяжелый взгляд. Когда Бретт нас познакомил, мы сделали заказ и в ожидании замолчали, не зная, что сказать друг другу. Как всегда, нас вывел из цейтнота Бретт. Он заговорил с дядей о том, что в первых числах сентября мы прилетим на Сицилию, чтобы проконтролировать последние приготовления к свадьбе. И попросил дядю разговаривать на английском языке.

– А почему ты до сих пор не познакомил свою невесту с матерью? – прозвучал вопрос, и Анселмо остановил на мне свой пристальный взгляд, будто я была виновницей этого.

– Мы полетим к ней через месяц, когда Дайана получит диплом. Сейчас у нее в бизнес-школе МБА идут выпускные экзамены, а потом ей предстоит защита диплома. Как только она освободится, я познакомлю её не только с мамой, но и со всеми родственниками. В общих чертах оговорил с мамой, какой мы хотим видеть свою свадьбу, так что она уже занимается её подготовкой.

– А ты сказал матери, что твоей женой в нарушение всех

традиций будет русская?

– Мне это уже делать было не нужно, поскольку эту работу за меня сделал ты, дядя, но не жди благодарности. Если хочешь знать, я остался недоволен тем, что ты вмешался в мою личную жизнь, чего делать я тебя не просил. Не так ли? И, надеюсь, ничего подобного больше не повторится.

Анселмо Риччи после отповеди племянника несколько побледнел, глаза его недовольно блеснули. Пройдясь взглядом, словно лезвием, по мне, но он быстро взял себя в руки и сказал:

– Прости, Бретт. Я по-родственному. Не думал, что тебя это заденет. Это ведь такая новость! Её обсуждают в клане все. И то, что ты пренебрег традициями.

– Традиции, на ком мне жениться и кто будет матерью моих детей, устанавливаю я. Ты случайно не забыл, кем я являюсь в «семье»? Поэтому тебе придется смириться с данной ситуацией. И вообще не разговаривай больше так, словно за столом нет Даны. Она моя невеста, и ты обязан выказывать ей свое уважение. Это я к тому, если ты еще не понял, каким я хочу видеть твое отношение к ней. И ещё. Я запрещаю трепать имя Дайаны в досужих разговорах о ней среди членов клана, а потому поручаю тебе пресекать их на корню.

Анселмо Риччи, по-видимому, не нашел, что сказать в ответ, только кивнул головой. Тут принесли наш заказ, и мы приступили к ужину. Дядю Бретта будто подменили. Добро-

желательным тоном он задавал мне вопросы о моей семье, о жизни в России, о специализации, которую я получу после окончания диплома, но взгляды, которые он бросал на меня, были пронизаны холодом. И, хотя я улыбалась и, казалось, охотно отвечала на его вопросы, интуиция подсказала мне, что в его лице я не приобрету друга, скорее, врага.

Когда этот спектакль закончился, и мы по-родственному попрощались, сделав вид, что поцеловали друг друга в щеки, я облегченно вздохнула, мысленно попросив Всевышнего, чтобы мы как можно реже с ним встречались. Исключительно по необходимости.

В автомобиле Бретт обнял меня за плечи и прошептал, слегка прикусив ухо:

– Умница. Никому не позволяй ни запугать себя, ни взять верх над собой. В том числе и моей матери. Ты будешь женой сароfamiglia, а это статус, которому ты должна соответствовать. Во всём. Поэтому уверенность, легкое превосходство и твердость должны стать твоей визитной карточкой в общении с членами нашего клана. С родственниками ты можешь быть помягче, если они этого заслужат.

– Как всё сложно, – вздохнула я. – У меня совсем другой характер. Меня же не воспитывали быть женой лидера мафиозной семьи. Однако я постараюсь соответствовать тебе. На сколько у меня это получится.

– Я в тебе нисколько не сомневаюсь, – сказал, улыбаясь, Бретт. – Ты сможешь. За твоей кажущейся слабостью пря-

чется внутренняя сила. Ты её просто выпусти на свободу.

Дни сменяли друг друга с невероятной скоростью. Я хорошо сдала все экзамены и на отлично защитила диплом. Теперь оставалось ждать торжественной церемонии по его вручению. Моё свадебное платье и платья для подружек невесты были заказаны. Они должны были быть готовы к середине августа.

Сразу после защиты диплома мы с Бреттом на пять дней отправились на его родину, где я познакомилась с его матерью и другими родственниками. К моему удивлению, встреча была относительно теплой. На сколько это было возможно по отношению к чужачке. Даже Джемма приехала из Албании. Она единственная все время пыталась меня, если не «укусить», то вывести из себя какими-то унижительными высказываниями или вызвать ревность намеками на их отношения с Бреттом.

Она везде сопровождала меня под благовидным предлогом показать все места, связанные с детством и юностью Бретта. Я не могла отказаться, так как это выглядело бы по меньшей мере неприлично: ведь Джемма с очаровательной улыбкой рассказывала мне о том, каким Бретт был мальчишкой, подростком и юношей. Жаль, что он сам не мог этого сделать, поскольку постоянно был занят делами клана на острове.

Мне с трудом удавалось удерживать на своем лице такую же милую улыбку во время посещения мест, когда они

были любовниками. Проведя меня за собой в небольшую пещеру, Джемма с какой-то светлой грустью произнесла:

– Здесь он лишил меня девственности. Я знала, что рано или поздно это произойдет и подготовилась: украсила пещеру цветами, поставила свечи, сделала импровизированное ложе и застелила его красивым покрывалом... Так что обстановка соответствовала моменту. Бретт был таким страстным и в то же время нежным, что мой первый опыт оказался лучше, чем можно было предположить в самых невероятных мечтах. Мы занимались любовью, пока не встало солнце, а потом, уставшие, проспали до самого вечера, не размыкая объятий. А, проснувшись, Бретт опять неистово любил меня, как это может делать только он.

Говоря это, Джемма смотрела на меня в надежде увидеть на моем лице боль, ревность, гнев или другие эмоции, которые потешили бы ее извращенное самолюбие, но я сдержалась и не показала, как у меня было отвратительно на душе. Откуда взяла силы, не знаю, но была уверена, что мне нельзя проявить перед Джеммой слабость.

Потом она повела меня на луг, в свой сад, где находилась овитая плющом беседка, в летний домик и даже зашла в свою спальню – в места, которые она бережно хранила в своей памяти, поскольку везде они с Бреттом неистово предавались любви.

– Он не мог пройти мимо, чтобы не тронуть меня или не потащить куда-то подальше от чужих глаз, где мы отчаян-

но любили друг друга. Это был неповторимый сексуальный опыт. Больше ни с кем у меня ничего подобного не было, — сказала Джемма мечтательно, закрыв глаза.

Мне хотелось надавать ей пощечин, но я боялась скандала, поскольку знала, что она при любом раскладе вывернет ситуацию в свою пользу и представит меня перед всеми родственниками неуравновешенной истеричкой, которая без причины кидается на людей. Поэтому я терпела, меняя на лице улыбку на маску равнодушия и наоборот.

Я видела, что Джемма внутри себя злилась, что я не реагировала на её психологические подколы, а я тем временем продумывала, как достойно поставить её на место, не позволив и дальше пользоваться карт-бланшем в наших отношениях.

Случай представился, и я им не преминула воспользоваться. Мы пили послеобеденный кофе — кофейную граниту. Так у них называется колотый лед с эспрессо и взбитыми сливками сверху. Экспрессо, по мнению сицилийцев, очень помогает перевариванию пищи, поэтому они пьют его после еды из микроскопических кофейных чашечек. Ради гостей, то есть меня, на стол поставили еще и тарелку с знаменитыми сицилийскими трубочками «cannoli Siciliani», от которых у меня у меня реально происходит помутнение рассудка, когда я их ем.

За столом собрались пятнадцать женщин, среди которых были не только мама и бабушка Бретта, но и самой Джеммы.

Её мать поинтересовалась, как мне понравились места, где родился и рос Бретт. Я огорченно вздохнула и, опустив глаза, смущенно проговорила:

— К сожалению, мне не удалось их увидеть, так как Джемма проводила мне экскурсию исключительно по местам, где она и Бретт занимались сексом все четыре года, рассказывая, какой он был неповторимый любовник и какое блаженство она испытывала от их интимной близости. Этих мест оказалось так много, что посмотреть что-то другое у нас просто не хватило времени. Возможно, когда мы с Бреттом поженимся и он будет свободен от дел, мне удастся прикоснуться душой к тем местам, что дороги ему как память об отчем доме.

Я обвела всех наивным взглядом и поразилась, что сказанное мною произвело на них впечатление, подобное разорвавшейся бомбе. У женщин от удивления чуть ли не открылись рты, а в глазах полыхало негодование. Бабушка Джеммы побледнела настолько, что я испугалась, чтобы ее не настиг гипертонический удар.

— Вон из-за стола, распутница, — сказала она, не сводя с внучки гневного взгляда. — Немедленно уезжай. И чтобы на свадьбе тебя не было. Мы не хотим видеть тебя за одним столом с нами, порядочными женщинами. Занимайся и дальше развратом в своей Европе.

Джемма вскочила на ноги и с ненавистью посмотрела на меня. Если бы у неё в руках был нож, она, не задумываясь,

в тот же миг вонзила бы его в меня. Я стоически выдержала её взгляд, не дрогнув и не показав испуга от того, как повернулась ситуация. Моя месть оказалась уж слишком действенной.

Джемма, пылая от ярости, швырнула чашку с недопитым кофе на пол и выбежала из гостиной. Больше до самого нашего отъезда я её не видела, но понимала, что добавила к Анселмо Риччи еще одного врага. Неутешительная статистика с одними минусами. Однако Джемма оставила все-таки за собой последнее слово.

Предпоследний день Бретт полностью посвятил мне. На кабриолете он провез меня по части острова, но и этого оказалось достаточно, чтобы я пришла к выводу, что он поистине жемчужина Средиземного моря, поражающая своей красотой и удивительными особенностями. Как оказалось, здесь есть всё: арабские постройки и мечети, средневековые европейские замки, испанские монастыри, древняя итальянская архитектура, прекрасные фруктовые сады, степные просторы, густые леса, горные хребты....

Посмотрев в кратком обзоре Палермо, я пришла в восторг от этого необычного города, в котором сочетались древняя история и современные развлечения. Мы посетили четыре лучших, по мнению Бретта, храмов города. После того, как мы вышли из последнего, он спросил:

– В каком из них ты хотела бы венчаться? В Кафедральном соборе?

– Нет, – улыбнулась я, – не угадал. Свое сердце я отдала церкви Casa Professa.

– Так тому и быть, – ответил он, обняв меня. – Надо же мне назад забрать твое сердце. Оно же моё.

На обратном пути мы обсудили, где будет проведен торжественный прием. Меня не просто всё устраивало – я была по-настоящему счастлива.

На ужин перед нашим отъездом собралось очень много родственников. Бретт всех пригласил на свадьбу и объявил, что она состоится седьмого сентября в церкви Casa Professa. Почему-то все дружно зашумели, и, подходя к нам, мама Бретта спросила:

– А почему вы не выбрали Кафедральный собор? Это же престижно

Все затихли в ожидании ответа, который тут же озвучил Бретт:

– Это выбор невесты – и он не обсуждается.

По лицам присутствующих я поняла, что они не одобрили мой выбор, но это моя свадьба, и она будет проходить там, где мне комфортно, поскольку я с первого взгляда влюбилась в церковь, которая носит еще и имя Богородицы Христа.

– А где будет проходить само торжество? – поинтересовался кто-то из родственников. В каком ресторане?

– На мега – яхте, которая оформлена в виде сказочного острова, с бассейном, пляжем и пальмами. Праздновать будете три дня, а мы с Дайаной после того, как разрежем сва-

дебный торт, отправимся в свадебное путешествие на Теркс и Кайкос.

Когда все сели за стол, началось обсуждение услышанного, поднимались тосты, блюда сменялись, спиртные напитки пополнялись... Словом, застолье шло полным ходом.

Когда я вышла из комнаты, где подправляла макияж, Бретт закончил с кем-то разговаривать. Увидев меня, он сказал, что ему надо на полчаса отойти, и чмокнув меня в щеку, поспешно вышел. Через полчаса он не вернулся. Прошел час, второй, третий, а его всё не было. Я не очень волновалась, так как знала, что он в клане босс и, возможно, ему пришлось решать какую-то внезапно возникшую проблему. Но когда уже разошлись все гости, а он не возвратился, что-то в моей душе дрогнуло от нехорошего предчувствия.

Я вышла во двор и села на скамейку, чтобы в уединении собраться с мыслями. Краем глаза я увидела, как из дома вышла экономка, и неожиданно для самой себя спросила у неё:

– Вы не видели, куда ушел Бретт?

– Сейчас нет, а вот часа четыре назад он пошел к дому родителей Джеммы.

Я задумалась. И её мать, и отец, и бабушка всё время сидели за столом и ушли минут десять назад. Куда же тогда направился Бретт? В пустой дом? Что ему там делать? И вдруг меня обожгла мысль: а если Джемма не уехала? Значит, он все это время был с ней?

Обида, ревность и много других отрицательных эмоций

нахлынули на меня такой сильной волной, что я даже задохнулась. Ярость вскипела внутри меня, и я решительно пошла в ту половину дома, где находились комнаты Джеммы.

Я постучала в дверь, чувствуя неистовое биение сердца, готового выскочить из груди, и несколько раз глубоко вдохнула и выдохнула. В этот момент открылась дверь. На пороге стояла Джемма в красном пеньюаре, накинутом на голое тело. Волосы ее были растрепаны, макияж размазан, а губы припухшие.

Увидев меня, глаза ее мстительно блеснули, но ту минуту я не обратила на это внимания.

– Бретт у тебя? – спросила я, предчувствуя, что ответ уничтожит меня.

– Да, – спокойно ответила она. – Сейчас он спит.

– Мне надо его увидеть. Немедленно, – сказала я, пытаюсь отодвинуть Джемму, чтобы пройти в дом.

– Пожалуйста. Только не нужно толкаться. Я могу и добровольно отойти. Мне нечего скрывать.

Не слушая ее, я направилась в спальню, которую уже видела раньше. На кровати действительно спал Бретт. Его голое тело лишь частично было накрыто простынёй. Я подошла ближе и несколько минут смотрела на мужчину, которого считала самым лучшим, единственным и любимым. Неужели он не чувствует ни моего присутствия, ни моего взгляда? Боль, будто острое лезвие, прошлась по сердцу. Оно стало кровоточить, рождая желание умереть прямо на этом месте.

От этой мысли разум возмутился, убеждая меня, что Бретт не стоит такой высокой цены. В какой-то степени я даже попыталась себя утешить тем, что о его склонности к изменам, особенно с Джеммой, я узнала до свадьбы.

На автомате я развернулась и пошла к выходу, даже не взглянув на хозяйку дома, которая стояла, прислонившись к стене. Я не могла оставаться рядом с ними даже секунды. Ужасно тошно на душе. Хочется плакать, а слёз нет. Плохо уметь себя сдерживать.

Возвратившись в дом Бретта, я пошла в нашу комнату и села на диван, не зная, что дальше делать. Все мысли зависли и не позволяли принять какое-либо решение. Я прилегла и устала в потолок, попытавшись отключиться от всего. Наверное, я задремала на короткое время, а когда вновь пришла в себя и осознала происшедшее, трудностей, что мне делать в сложившейся ситуации, уже не возникло.

Побросав в сумку часть своих вещей, я проверила паспорт, банковскую карточку, телефон и пошла к охраннику, который сидел в сторожке возле ворот. Мне повезло, что он кое-как говорил на английском языке, поэтому с трудом удалось объяснить ему, что мне нужно срочно уехать в аэропорт и он должен вызвать мне такси.

Охранник долго думал, а потом куда-то позвонил. Я стояла рядом, чувствуя, что нервы вот-вот сдадут, но не могла себе позволить этого. Я терпеливо ждала. Вдруг увидела, что из-за дома, где находились гаражи, выехала машина

и остановилась рядом со мной. Из нее вышел водитель матери Бретта и стал уточнять, почему мне понадобилось ночью ехать в аэропорт.

И тут меня понесло. Я сочинила ему байку, что Бретта вызвали в Марсель еще вечером по каким-то неотложным делам, что он должен был возвратиться назад, но неожиданно позвонил, чтобы я срочно летела к нему. Водитель проглотил мою ложь и, открыв дверь автомобиля, помог мне сесть на заднее сидение и положил мою сумку в багажник.

Через час я была уже в аэропорту и спрашивала билет на Марсель. Билет был в наличии, но не на прямой рейс, так как на нужный самолет я уже опоздала. Можно долететь с пересадкой в Риме, утешила меня кассир, видя огорчение на моем лице. Всего тридцать пять минут ожидания.

– А в какое время вылет? – уточнила я.

– В девять часов утра.

Я купила билет и села в зале ожидания коротать оставшиеся четыре часа до регистрации. Выхода другого у меня все равно не было.

Прилетела в Марсель в час дня, и на такси доехала до дома. Лучия, открывшая мне дверь, была крайне удивлена, что я вернулась одна, но ничего не спросила. Бросив сумку на пол гардеробной, я пошла под душ и стала смывать грязь не только с тела, но из оскверненной души тоже. Я, наверное, минут сорок стояла под струями воды, которые приводили меня в чувство.

Затем достала чемодан со своими старыми вещами, вынула из него джинсы и футболку, оделась и спустилась вниз, чтобы что-то поесть, так как была голодна. Лучия нарезала мне пармезан, сырокопченую колбасу и ломтики французской булки. Рядом поставила чашку с кофе. Я с удовольствием позавтракала и вернулась на второй этаж

Забирать с собой вещи, купленные мне Бреттом, считала ниже собственного достоинства, поэтому, освободив дорожную сумку, сложила в нее книги, которые пригодятся мне в работе, и копию своей дипломной работы. В свою сумочку положила кое-что из косметики на первое время и пошла в спальню. Постояла в ней, вспоминая, сколько счастливых минут я провела в ней, и, чувствуя, что прямо сейчас расплачусь от жалости к себе, быстро вышла. Ставив свои вещи вниз, набрала службу такси и вызвала машину.

Уходить по-английски в данной ситуации было бы верхом неприличия, и я пошла искать Лучию. Она была на кухне. Я обняла ее и поблагодарила за все хорошее, что исходило от неё. Женщина, неприученная задавать вопросы, только молча смотрела на меня распахнутыми глазами, не понимая, что происходит. Но что я могла ей объяснить? Поэтому, ничего не сказав, развернулась и ушла в прихожую ждать такси.

Оно приехало через полчаса. Водитель погрузил мои вещи и спросил, куда везти. И в этот момент я растерялась, поскольку не знала этого. Вспомнив название отеля на выезде из города, я озвучила маршрут, и мы, развернувшись,

поехали к воротам. Но выехать из них не удалось.

Навстречу нам ехал автомобиль, за рулем которого был Келл. Он посигналил водителю остановиться и поставил машину так, чтобы мы не смогли проехать. Задняя дверь открылась, и из нее вышел Бретт. Я ужаснулась, насколько плохо он выглядел. Лицо бледное, осунувшееся, под глазами – темные полукружья. Губы сжаты в тонкую линию, а глазах смесь боли и гнева.

Я сидела в такси, не двигаясь, и смотрела в невидимую точку перед собой. Услышала, как открылась дверь, но не повернулась. Какое-то мгновение стояла тишина, потом Бретт бесцеремонно вытащил меня из салона и поставил перед собой, сжав мои плечи так сильно, что я еле сдержала стон.

– Трусливо убегаешь, как крыса с тонущего корабля? Молча? Даже не посчитав нужным поговорить со мной?

– О чем? Мне и без разговора всё было предельно ясно, я бы даже сказала – наглядно.

– Если на клетке слона прочтёшь надпись «буйвол», не верь глазам своим. Кажется, так говорил ваш Козьма Прутков?

– Так.

– Тогда почему ты поверила своим глазам, которые увидели меня в постели Джеммы, зная, что добровольно я никогда бы в неё не лег? У тебя даже крохотной мысли сомнения в увиденном не появилось? – спросил меня Бретт, и столько боли и горечи было в его голосе, что я подняла глаза и встре-

тилась с его измученным взглядом. В нем было так много обиды, остатков возмущения и усталости, что я расплакалась и прижалась к его груди. В ней билось тревожно его сердце, искреннее и честное. И я без лишних слов поверила ему.

По-видимому, Бретт понял меня, поэтому поднял на руки и посадил в свой автомобиль. Я ухватилась за него, боясь отпустить. Второй раз даже мысли о потере я не вынесу. Потом стала целовать его лицо, такое родное... И тут почувствовала под губами солоноватую влагу. Я отодвинулась и посмотрела на Бретта: в его глазах стояли слезы. Этот сильный мужчина даже позволил нескольким из них пролиться. Из-за моих непродуманных поступков.

– Прости меня, – прошептала я

Он мне на это ничего не ответил, но я услышала другое:

– Я так боялся, что потерял тебя и не смогу вернуть. Что не успею. Хотя... куда бы ты не уехала, я нашел бы тебя.

Глава 22. БРЕТТ

Меня разбудили солнечные лучи, заглянувшие в окно и ласково пригревшие кожу на лице. Я открыл глаза и не сразу сообразил, где нахожусь. Даже промелькнула мысль, что я всё еще пребываю под воздействием сна. Я повернулся на бок, чтобы обнять Дану, – и замер от неожиданности: передо мной находилось улыбающееся лицо Джеммы.

Я закрыл глаза в надежде, что, когда вновь открою их, видение исчезнет. Но не тут -то было. Джемма по-прежнему лежала рядом, не смущаясь своей наготы – и победно улыбалась. Я приподнялся и посмотрел на себя. На мне тоже не было одежды. Никакой. Мы возлежали с ней на кровати как Адам и Ева... От этой мысли я вздрогнул и поискал глазами змея-искусителя. Естественно, его не было. Но как тогда я оказался здесь? Вскочив, я схватил свою одежду, лежавшую на стуле, и стал поспешно одеваться.

– Дана, Дана, Дана, – долбила виски одна и та же мысль. Голова раскалывалась от боли, координация движений была нарушена, тело чувствовало себя так, словно по нему проехали катком. Еле оделся, так как руки не слушали сигналов мозга, и вновь плюхнулся на кровать, не в силах стоять.

– Что ты делаешь в моей постели? – спросил я Джемму, чувствуя яростный прилив раздражения.

– Вообще-то это моя кровать, – спокойно сказала она и провела рукой по моей спине.

Меня передернуло от отвращения. Закрыв глаза, я стал смутно вспоминать события предыдущего вечера. Дана вышла из-за стола, чтобы подправить макияж, и в этот момент позвонила Джемма, попросив встретиться с нею, так как ей срочно нужно лететь в Албанию в связи с возникшими на фабрике проблемами. И она хотела посоветоваться со мной, как их решить. Это я помню точно.

Я предложил Джемме встретиться у меня, но она отказалась, так как времени перед отъездом в аэропорт у неё было в обрез. И я пошел к ней сам. Джемма была уже одета в брючный костюм, а возле двери стоял чемодан. Кстати, где он? – мелькнула мысль, и я поискал его взглядом, но не нашел.

Я посмотрел на пристенный столик, на котором вчера стояла бутылка вина и два бокала. Их уже тоже не было. На их месте красовалась ваза с цветами. Может мне это приснилось? Закрыв глаза, вновь погрузился в воспоминания, пытаясь реанимировать события вчерашнего вечера. Вот я стою возле Джеммы, она берет в руки два бокала и один протягивает мне.

– Давай выпьем за вас с Дайаной. Я не смогла присутствовать на ужине, поэтому хочу поздравить тебя с тем, что ты скоро покончишь со своей холостяцкой жизнью. Если честно, я не думала, что ты так быстро решишься на это, но уж так, как есть. Будьте счастливы на протяжении всех лет се-

мейной жизни!

Я поблагодарил и выпил вино вслед за ней, а потом спросил, что случилось на фабрике.

— Об этом чуть позже, — сказала она и вновь подлила вина. — Я думала, что мы все же когда-нибудь поженимся, но теперь с тяжелым сердцем приходится отдавать тебя другой.

— Я не вещь. К тому же никогда не давал тебе повода рассчитывать на то, чтобы выйти за меня. Поэтому прекратим этот пустой разговор, который ты ведешь неоднократно, и перейдем к делу.

Сказав это, я почувствовал, как у меня закружилась голова и пол стал исчезать из-под ног. Последнее, что я помню, как Джемма резко толкнула меня и я упал спиной на кровать. Больше ничего. И вот я проснулся на той же кровати.

Джемма продолжала лежать, даже не прикрывшись.

— Накинь на себя простыню, — сказал я. — Если ты считаешь, что таким образом соблазнишь меня, то глубоко заблуждаешься. Ты мне уже не интересна как женщина.

— Я бы так не сказала. Ночью ты не раз доказал мне обратное.

Я дернулся, как от сильного удара в челюсть, и повернулся к Джемме. Она смотрела на меня с легкой интригой, облизывая кончиком языка нижнюю губу.

— Ты блефуешь. — возмутился я. — Между нами ничего не было.

— То, что ты ничего не помнишь, еще не означает, что мы

не занимались с тобой любовью.

– Не оскверняй это слово, произнося его. Ты не имеешь ни малейшего представления, что такое любовь.

Ты была, есть и всегда будешь лишь похотливой сучкой.

Джемма вскочила на ноги и бросилась на меня, пытаясь дать пощечину. Я перехватил её руку и заломил за спину. Она взвизгнула от боли и попыталась освободиться, однако я не позволил ей этого.

– Итак, зачем ты это сделала? – спросил я, чувствуя нарастающую в душе злость.

– Чтобы ты не достался этой русской шлюшке, простушке или дурочке. Выбирай сам. Она недостойна тебя.

– Глупые попытки. Неужели ты не понимаешь, что я все равно женюсь на ней?

– Теперь вряд ли, – злорадно произнесла Джемма, набрасывая на себя пеньюар. – Твоя несравненная Дайана видела нас с тобой в постели. Голенькими. И я не стала её разубеждать в мыслях, которые появились у нее, глядя на тебя, заснувшего после жаркого секса. Видел бы ты выражение её лица! Умора и только!

Я не сдержался и, схватив Джемму за волосы, бросил на кровать. Она не закричала от боли, только злые слёзы выступили на её глазах и тут же исчезли под звуки дикого хохота, от которого у меня зашевелились волосы на затылке.

Мне так хотелось ударить ее, но я с трудом совладал с собой, ибо всегда презирал мужчин, поднимающих руку

на женщин. Больше ни слова не говоря, я вышел из комнаты и пошел в дом к матери. Там меня ждал неприятный сюрприз: Дана еще ночью уехала. Зайдя в нашу спальню, я убедился, что почти все вещи остались здесь. Я побросал их в чемодан и позвонил Амато, чтобы срочно дал заявку на вылет моего частного самолета и подогнал автомобиль.

Мама ничего у меня не спрашивала, но, видя мое состояние, налила в стакан воды, бросила туда таблетку растворимого аспирина и дала выпить. Завтракать отказался, поскольку даже мысль о еде вызывала тошноту. Однако крепкий кофе выпил.

Я прилег на диван, так как в висках настолько долбило, что находиться в вертикальном положении не было никаких сил. По-видимому, боль стала проходить, и я задремал. Проснулся от того, что меня будто кто-то толкнул в плечо. Посмотрел на часы – начало одиннадцатого. Амато и Келл уже ждали меня в машине с вещами.

Попрощавшись с мамой и бабушкой, я помчался на встречу неизвестности, молясь в душе застать Дану в нашем доме. Бог услышал мои молитвы, поскольку мы встретились нос к носу перед воротами. Я приказал Келлу остановить такси и преградить ему выезд, а сам поспешил к Данае.

Она сидела на заднем сидении, словно изваяние, глядя в переднее стекло. Я открыл дверь и несколько секунд подождал, чтобы она повернулась ко мне, но не дождался и, потянув за руку, вытащил из салона. Знаю, что сделал больно,

но Дана не произнесла ни звука. В душе я повинился перед ней за свою грубость, но, вслух ничего не сказав, поставил ее перед собой, и сильно сжал плечи.

– Трусливо убегаешь, как крыса с тонущего корабля? Молча? Даже не посчитав нужным поговорить со мной? – спросил я, чувствуя от волнения дрожь в голосе.

– О чем? Мне и без разговора всё было предельно ясно, я бы даже сказала – наглядно.

– Если на клетке слона прочтёшь надпись «буйвол», не верь глазам своим. Кажется, так говорил ваш Козьма Прутков? Ты как-то просвещала меня по этому поводу.

– Так, – прошептала Дана.

– Тогда почему ты поверила своим глазам, когда увидела меня в постели Джеммы, зная, что добровольно я никогда бы в неё не лег? У тебя даже крохотной мысли сомнения в увиденном не возникло? А как же доверие? Оно для тебя просто слово?

Мне было на душе так горько и больно, как никогда ранее. В этот момент Дана подняла глаза – и наши измученные взгляды встретились. То, что она увидела в моих глазах, заставило ее расплакаться и прижаться, как прежде, к моей груди. Её худенькое тело сотрясалось в рыданиях, а я не знал, каким образом ее успокоить. Затем она затихла и долго слушала стук моего сердца, которое учащенно билось в тревожном ожидании. Если бы оно могло говорить, то рассказало бы, как до самозабвения любит ее, что никогда не предаст

и будет биться до конца жизни только для неё одной.

По-видимому, моей девочке язык моего любящего сердца оказался доступным, поскольку она поверила его искренним признаниям. И хотя Дана не сказала мне об этом, я понял, что прощён и беда миновала.

Как? Не знаю. Каким-то шестым чувством.

– Вытри слёзы... слышишь? Ты еще будешь самой счастливой в этом мире, – пообещал я.

– Правда? – она подняла на меня заплаканные глаза и искренне улыбнулась сквозь слёзы.

Обрадовавшись, я поднял ее на руки и посадил рядом с собой на заднее сидение. Келл, не ожидая приказа, поехал к дому, а Амато остался, чтобы расплатиться с таксистом.

Дайана ухватила за меня так, словно боялась потерять. Глупышка. Разве такое возможно? Потом стала отчаянно целовать мне лицо – и в этот момент я окончательно понял, что что моя девочка вернулась ко мне. Мысль об этом была настолько пронизывающей, что у меня выступили слезы в глазах.

– Прости меня, – услышал я.

Что я мог на это ответить? Прощать ее мне было не за что, но, глядя на ее заплаканное личико, такое для меня родное и дорогое, тихо сказал:

– Я так боялся, что потерял тебя и не смогу вернуть. Что не успею. Хотя... куда бы ты не уехала, я нашел бы тебя.

И вдруг в салоне прозвучал её счастливый смех. Я закрыл

глаза, слушая его и понимая, что жизнь прекрасна, что все вернулось на круги своя и мне несказанно повезло, что Дана мудрая женщина, хотя и молодая. Она поверила мне сердцем и душой, не позволив разуму и эмоциям управлять собой.

В дом я тоже внес её на руках и, не останавливаясь, поднялся на второй этаж. Бережно положив Дану на кровать, я присел рядом. Взявшись за руки, мы молчали, не отводя друг от друга глаз. Потом моя девочка снова заплакала.

– И с чего это вдруг? – удивился я.

– От счастья, что всё встало на свои места и мы снова вместе, что я дома и весь этот кошмар остался на Сицилии.

Дайана не задала мне самого важного для нее вопроса: что я делал в спальне Джеммы в её постели? И в этом была вся она: сдержанная, воспитанная, корректная. И я не стал дальше мучить её своим молчанием, рассказав всё в мельчайших подробностях. Она слушала, не перебивая, а когда я замолчал, спросила:

– Ты ей простил этот мерзкий поступок?

– Нет.

– И как ты поступишь?

– У меня-то и выбора нет. Я не могу её изгнать из «семьи», поскольку она не предала её, не совершила поступка, который подпадает под понятия «Закона чести». К тому же она очень хороший менеджер и прекрасно справляется со своими производственными обязанностями. Уволить

её с этой должности я не могу, так как нет серьезных оснований. Она совершила безнравственный поступок в отношении тебя и меня, но это уже наше частное дело. Исходя из этого, я могу запретить ей приезжать на нашу свадьбу и общаться с нами, то есть посещать наш дом, присутствовать на тех мероприятиях, где будем мы, встречаться с нами у наших родственников. На этом мои полномочия заканчиваются.

– Что ж, этого достаточно, – сказала Дана. – Главное, чтобы я её не видела лишний раз и она не нервировала меня своими выходками.

И Дайана рассказала, как Джемма водила её по всем нашим с ней местам. Я возмутился до глубины души:

– А почему ты с ней ходила, как теленок, выслушивая всю эту чушь?

– Ты же знаешь свою бывшую любовницу. Она ведь перед всеми объявила, что забирает меня с собой, чтобы показать все места, где ты рос. Возвратись я и скажи, куда она меня на самом деле повела, получился бы скандал. Джемма бы обязательно вывернулась, обвинив меня в заведомо ложных наговорах на нее, и поверили бы ей, а не мне. Момент был не подходящий, но я наверстала свое, когда представился случай. Так что быть теленком иногда полезно в стратегических целях.

И Дана рассказала, как поквиталась с Джеммой, оставшись победительницей.

Я громко расхохотался, представив себе эту картину. Дана какое-то время терпела, а потом подключилась к веселью. И мы долго смеялись, как дети, выплескивая вместе со смехом все напряжение последних суток.

Когда успокоились, я бережно раздел Дану, полюбовался ею – и мы занялись любовью. Не сексом, а именно любовью, нежной, трепетной и сладостной.

После сна и душа отправились на ужин. Лучия превзошла все наши ожидания, подав поджаренные кусочки ветчины в чесночном соусе, овощную минестру, спагетти и фиорентину. Я достал бутылку Нобиле ди Монтепульчано, одно из классических красных сухих вин Италии, разлил в бокалы, и мы приступили к поглощению пищи. Сказалось отсутствие еды в течение дня. Потом с панна-котта выпили по чашечке кофе дека и вновь вернулись в спальню, но уже спать, так как устали безмерно: и морально, и физически.

Утром я проснулся рано, но Дану будить не стал. Пусть выспится после всех переживаний и волнений. К тому же ей не нужно куда спешить, так как обучение в бизнес-школе закончилось. Осталось только получить диплом. Мы с ней не говорили, где она собирается работать после нашего свадебного путешествия. Однако у меня уже было для нее несколько хороших предложений в других корпорациях, а также должность топ-менеджера по бизнес-планированию в моём синдикате. Я пока еще об этом Дане не сказал, так как ждал нужного момента.

Вообще-то я хотел бы, чтобы она не работала, занималась собой и мной, но прекрасно осознавал, что пустое времяпровождение не для Дайаны. Она не согласится сидеть дома и через день посещать салоны красоты и фитнес-центры, как другие пустоголовые модели, попавшие с подиума или обложки журнала в роскошную жизнь содержанки или временной жены. Дане важно занять свой ум, а не лелеять и пестовать свое тело в ущерб жизни по интересу. И за это я очень её уважаю.

Я посмотрел на свою девочку. Она безмятежно спала, подложив руку под щеку. Она всегда была очень ухоженной, и когда успевала всё делать, я не знаю. Во всяком случае у нас не было разговора на эту тему. Тем не менее, фигура у нее была изумительной, кожа на теле гладкая и упругая, ногти на руках и ногах обработаны специалистом, кожа на лице, словно бархатная... Знаю только, что макияж себе она делает сама. Вот, пожалуй, и всё. Дана никогда не вела разговора о салонах красоты и им подобным...

Однако пора вставать. На работе много вопросов, требующих моего участия, поэтому разлеживаться времени нет. Я поцеловал Дану в плечо и осторожно встал с постели, а через полтора часа уже сидел в своем офисе.

День начался с неприятностей. Алба сообщила, что аудиенции ждет Дарио Росси.

– Пусть заходит, – сказал я и откинулся на спинку кресла в ожидании, что он будет расспрашивать меня о нашей по-

ездке в Термини-Имерезе. Но не тут-то было.

Как только Дарио вошел в кабинет, по его лицу я сразу понял, что в мое отсутствие случилось нечто плохое. Я выпрямился и вопросительно посмотрел на него.

– Бретт, в России, в УВД Краснопресненской области, отдел экономической безопасности и противодействия коррупции занялся вплотную изъятием контрафактных товаров. В результате мероприятий из торгового оборота были изъяты одежда и обувь, маркированная товарным знаком «Adidas» и бижутерия со знаками «Chanel» и «Louis Vuitton» в общем количестве четыре тысячи восемьсот единиц. Сумма нашего ущерба около трехсот пятидесяти тысяч евро. Рейд продолжался из запланированного месяца всего неделю. Контрафактный товар конфискован и подлежит уничтожению.

– И это всё, что ты можешь мне сказать? – спросил я, чувствуя, как во мне закипает раздражение. – Какие меры ты принял?

– Пока еще никаких. Эта информация поступила ко мне только позавчера от нашего человека в Управлении экономической безопасности и противодействия коррупции МВД России.

– И? Что ты тянешь кота за хвост. Ближе к делу, – приказал я, не скрывая своего недовольства.

– Он сказал, что не может по вертикали им запретить этот рейд, так как подобные действия с его стороны вызовут по-

дозрения.

– Сколько мы ему платим ежемесячно, чтобы он контролировал подобные случаи и предотвращал?

– Сто пятьдесят тысяч евро.

– Как долго?

– Вот уже полгода. Его предшественник ушел на пенсию и передал его нам.

– Как он отработывал эти деньги?

– В принципе, никак.

– Не понял! За что тогда мы ему платили?

– Ну, как бы авансом за то, что он сразу же вмешается, если возникнут проблемы с контрафактным товаром, и решит их.

– Значит, мы заплатили ему около миллиона евро, а он отказался решить вопрос в Краснопресненской области?

– Да.

– И что ты делал вчера? Вопрос так и завис?

– Ждал тебя. Я же знал, что один день ничего не решит.

– Дарио, ты underboss и в мое отсутствие все проблемы должен решать сам. Почему я всегда заношу за тобой хвосты? За последние полтора года, когда ты занял этот пост, у тебя одни проколы. Еще один – и я буду ставить на комиссии вопрос о снятии тебя с этой должности. По своим качествам ты ей не соответствуешь и стал нижним боссом только благодаря тому, что родился единственным сыном у младшего брата моего отца.

Наши взгляды схлестнулись: мой – гневный, его – злобный. Он всегда недолюбливал меня, но я не обращал на это внимания. В семье все знали, что Дарио амбициозный, самовлюбленный сукин сын, который мнил о себе больше, чем был на самом деле, но все же дали ему шанс показать себя.

– Ты меня понял? – уточнил я.

– Понял, – ответил он сквозь зубы.

– Тогда приступай к действиям. Пошли Адольфо Пеларатти в Краснопресненскую область, и пусть он решит вопрос на месте. Сразу пусть связывается с начальником отдела и заплатит, сколько договорится, но не более двухсот тысяч евро. Конфискованный товар забрать. Как, пусть решает на месте.

– А если он не согласится взять деньги?

– Такую сумму согласится. Но если будет набивать себе цену, Адольфо может предупредить его, что может остаться без денег, но с проблемами в семье, которые он ему обеспечит. Так что пусть выбирает.

Какое-то время я пристально смотрел на Дарио, заставив его нервничать. Он достал из кармана платок и вытер пот со лба.

– А ты, мой двоюродный братец, полетишь в Москву. Сам. Встретишься со своим человеком и потребуешь возвратить полученные деньги. Естественно, он их уже потратил, а потому пусть расплатится с нами собственной жизнью. Каким способом, выберешь сам. Если не решишь проблему, возме-

стишь девятьсот тысяч евро из своих денег. Сегодня принесешь мне на него досье, чтобы я мог проконтролировать, как ты выполнишь задание. Я не намерен безнаказанно разбрасываться миллионами.

Дарио сидел бледный, сжав в кулаки дрожащие пальцы. Я знал, что он боится подобных заданий, но мне не хотелось посылать солдата, обученного для таких дел. Дарио должен свои косяки убирать сам.

Может, я и пожалею об этом решении впоследствии, но послабления ему в этот раз от меня не будет.

Через два часа затребованное мною досье Дарио положил мне на стол.

– Когда вылетаешь?

– Завтра вечерним рейсом.

– Тогда у меня есть время познакомить тебя с моей невестой. Из моих родственников ты один её не видел. Так что приглашаю тебя сегодня в ресторан L'Épuisette. Обещал Дайане познакомить её с блюдами высокой кухни. Или у тебя есть другие планы на сегодняшний вечер?

– Нет, с удовольствием принимаю приглашение.

– Тогда до встречи.

Дарио несколько помедлил, собираясь мне что-то сказать, но потом, по-видимому, передумал и, резко повернувшись, вышел из кабинета.

Когда закрылась дверь, я позвонил Дане.

– Привет, малышка! – сказал я, услышав её голос. – Вы-

спалась?

– Привет, любимый. На два дня вперед. А ты почему так рано ушел?

– Дела. Я отсутствовал практически неделю, вот они и накопились.

– У тебя неправильно организовано управление. Нельзя решение всех дел стягивать на себя.

– Ну да, ты же у нас теперь дипломированный мастер МБА. Тебе виднее.

– Я не всерьез. Просто мне хотелось проснуться и, открыв глаза, увидеть тебя, а не остывшую подушку. Хорошо, что на ней остался твой запах. Я уткнулась в неё и думала о тебе. У тебя все в порядке? А то голос какой-то не мой.

– Есть кое-какие проблемы, но решаемые. А я и не знал, что у меня два голоса: один – твой, а другой – для остальных.

Дана засмеялась:

– Теперь будешь знать. Когда тебя ждать вечером?

– Я не приеду домой.

– А куда же ты поедешь? – в вопросе явно прослеживался испуг.

– Ладно. Не буду мучить тебя неопределенностью. Вечером в ресторане высокой кухни я хочу познакомить тебя с последним своим родственником – двоюродным братом по отцовской линии Дарио Росси. С его мамой Виолеттой ты уже знакома. Так что тебя привезут к девяти часам вечера в ресторан, где я и Дарио будем тебя ждать.

– Что мне надеть?

– О, уволь меня от этого! Что сочтешь нужным.

– Но я не знаю, какой дресс-код предполагает ресторан высокой кухни. Платье вечернее или коктейльное?

– Вечернее. Там всегда собирается вычурная публика, поэтому выбери такой туалет для себя, в котором ты будешь чувствовать себя соответствующей моменту.

– Понятно. И еще один вопрос: могу я оставить волосы распущенными или надо сделать прическу.

– Распущенными. Прическа – слишком обязывает и прибавляет года.

– Слава богу! Я так не люблю устраивать на своей голове всякие замысловатости.

Я рассмеялся. И в этом тоже Дана. Отсутствие в ней ма-
нерности и претенциозности мне очень нравилось. Она везде и во всем старалась быть сама собой, и я ценил это.

– Знаешь, проснувшись, я вдруг отчетливо поняла, что ты у меня самый лучший, а я у тебя самая счастливая. А когда не увидела тебя рядом, сразу же заскучала.

– Я тоже без тебя чувствую себя одиноко, но мы вечером встретимся – и я обниму тебя так сильно, насколько только хватит сил.

– Обещаешь?

– Да.

– Врунишка, в ресторане этого делать нельзя, так что придержи свой порыв, когда вернемся домой.

– Не сомневайся в этом, – заверил я Дану. – Главное, очень люби меня. Мне это нужно, как воздух.

– А я и не умею любить вполсилы и отдаю тебе всё, что имею.

– Я знаю, малышка, и благодарен тебе за это.

Поболтав еще несколько минут о своих чувствах, мы попрощались, и я занялся текущими делами. День пролетел быстро. Я переоделся в свежую рубашку, сменил костюм и вызвал своих ребят.

В ресторан приехал первым и сел за заказанный столик. Официант тотчас плеснул мне в бокал Брунелло ди Монтальчино и, получив мое одобрение, наполнил его вином, считающимся одним из лучших красных вин Тосканы и Италии и характеризующимся комплексными ароматами.

Вскоре в ресторан вошел Дарио. Он был в шикарном сером костюме от Армани, сидевшем на нем великолепно. В руках у него были три темно – бордовые розы, издали казавшиеся черными. Эти изысканные цветы называют по-разному: «Черная красота», «Великолепная Тоскана» и «Черная магия». Я удивился его предусмотрительности и мужской галантности. Оказывается, я многого не знаю о своем кузене.

Наконец в зале появилась Дайана, очаровательное создание, от которого невозможно отвести глаз. Все мужские взгляды словно бы приклеились к ней. Я непроизвольно посмотрел в сторону Дарио и увидел, как огонь восхищения

и похоти вспыхнул в его глазах. К Дане подошел метрдотель.

– Смотри, какая красotka! – воскликнул кузен, повернувшись ко мне. – Просто дива с обложки.

Я ничего не ответил, наблюдая за Дайаной. Она была в длинном вечернем платье «годэ», которое обтягивало ее совершенные бедра и плавно расширялось к низу, подчеркивая все изгибы и достоинства её фигуры и позволяя ей выглядеть не просто женственно, а элегантно и шикарно.

Ажурный черный верх плавно переходил в темно – красный низ с градиентной расцветкой. Глубокий необычный вырез подчеркивал красоту её высокой упругой груди и плеч. Вместо ожерелья она надела золотую цепочку с кулоном из крупного граната в ажурной золотой оправе. На руке – гранатовый браслет из этого же комплекта.

Вот она повернулась в нашу сторону и стала приближаться к нам в сопровождении метрдотеля. Я поднялся и пошел ей навстречу. Увидев меня, глаза моей девочки вспыхнули от радости, и улыбка озарила ее и без того красивое лицо. Я приобнял её за плечи собственническим жестом, давая всем понять, что это моя женщина, и повёл к столу.

Дарио уже поднялся в ожидании и смотрел на нас ошарашенными глазами.

– Знакомьтесь, Дайана – это Дарио, мой кузен. Дарио – это моя невеста Дайана, – сказал я, отодвигая для Даны стул и помогая ей сесть.

Дарио от неожиданности даже забыл про розы, а потом,

по-видимому, вспомнив о них, вручил ей букет. Он был несколько растерян, что прослеживалось в его поведении, и я не понимал, почему. Я посмотрел на Дану. Она сидела абсолютно спокойно, изучая меню. Крамольная мысль, что, их что-то связывало в прошлом, тут же развеялась. Моя девочка не умела ни притворяться, ни лгать. По всей вероятности, он, увидев ее в зале ресторана, решил познакомиться, чтобы завязать какие-то отношения, поскольку Дана произвела на него большое впечатление, но она оказалась моей невестой, что лишило его всякой надежды на будущее. Отсюда и такая растерянность.

Дарио был внешне красив, настоящий жгучий сицилиец. Правда, на мой взгляд, в его красоте было что-то женское, но не мне судить. Женщины никогда не оставались равнодушны к нему в его обществе. Я вновь посмотрел на Дану. Внешность моего кузена не произвела на нее никакого впечатления, и я упокоился, не понимая, почему вдруг мне в голову полезли подобные мысли. В любви Даны я никогда не сомневался, тем не менее, какое-то беспокойство закралось в душу, когда я смотрел на них.

Стараясь не показать его, я сразу вошел в роль гостеприимного хозяина за столом. Вечер проходил в дружеской обстановке. Во всяком случае, так могло выглядеть со стороны. Дарио изо всех сил пытался обаять Дану, но она в ответ ему только мило улыбалась – и не более. Я заметил, что это внутри его злило, хотя он скрывал бушевавшие его чувства

за неискренней улыбкой. Дана задела его самолюбие, не обращая на все его попытки никакого внимания.

Она просто уделяла ему должное внимание, расспрашивая о его жизни и семье, смеялась его остроумным высказываниям и забавным воспоминаниям о детстве. Словом, вскоре они стали находить удовольствие в общении друг с другом. Потом речь зашла о нашей свадьбе. Мы, естественно, пригласили Дарио разделить с нами этот важный для нас день.

Выслушав, где будет проходить венчание и свадебное торжество, мой кузен вновь удивил меня, спросив Дану, знает ли она об особенностях сицилийской свадьбы? Получив отрицательный ответ, он повернулся ко мне и спросил:

– А почему ты не познакомил с ними свою невесту?

– Я как-то не придавал этому значения, поскольку считаю все эти особенности чепухой.

– Не скажи, кузен, без них не обходится ни одна сицилийская свадьба, а ты, как я понял, хочешь ее европеизировать. Могут не понять.

– Мужчины, оставьте перепалку, – остановила нас Дана. А потом обратилась к Дарио:

– Если Бретту они кажутся не нужными, то я придерживаюсь противоположного мнения, поэтому расскажи мне об этих особенностях.

– Их совсем немного, но невеста, жених и гости всегда придерживаются их. Во-первых, свадебное одеяние невесты

должно обязательно включать один синий предмет, который символизирует чистоту и невинность, новый предмет, позаимствованный предмет, старый предмет и что-то, что было получено в подарок от близкого человека.

– Ой, не так быстро. Дай я повторю: итак, синий, новый, позаимствованный и старый предметы, а также подарок от близкого человека. Ничего не упустила?

– Нет, – подтвердил Дарио. – Во-вторых, жених сразу после проведения церемонии должен порезать свой галстук или бабочку на кусочки, чтобы раздать их всем гостям праздника. Считается, что таким образом он дарит своим родственникам и родным своей невесты кусочки своего счастья, делясь им с ними.

– Кстати, ваши родные приедут на свадьбу? – спросил Дарио.

Лицо Даны помрачнело, но она быстро взяла себя в руки и ответила:

– К сожалению, у меня нет родных. Все они умерли, так что вести меня к алтарю я попрошу кого-то из мужчин вашей семьи. Наверное, Анселмо Риччи, дядю Бретта, если он, конечно, согласится оказать мне такую честь.

– Не волнуйся, согласится, – успокоил её я. – У тебя, Дарио, есть еще, что сказать?

– Конечно. В-третьих, подарки на сицилийской свадьбе дарятся заранее. Традиционным подарком считаются деньги, которые чаще всего перечисляются гостями на специальный

банковский счет, оформленный на молодых. Вот, пожалуй, и всё.

– А какой ты веры? – вдруг обратился он к Дайане.

– В принципе, никакой. Я не религиозный человек, хотя была крещена в православии.

Дарио посмотрел на меня, хотел что-то спросить, но промолчал. Потом вдруг обратился к моей невесте:

– Дана, ты должна знать, что Сицилия, славится не только своими сочными пейзажами, прекрасным климатом, особым темпераментом, но и... фанатичным отношением к религии. Сицилия консервативна, она свято хранит свои вековые традиции, где царят консервативные католические нравы. На Сицилии религия и церковь пользуются огромным почётом. Праздники местных святых проходят чуть ли не каждый день и приравниваются к выходному дню. Все местные жители выходят на улицу, участвуют в шествии, после чего отправляются на большой семейный ужин, в след за которым устраивается фейерверк.

– А когда же они работают, – смеясь, спросила Дайана.

– Сицилийцы умеют сочетать работу и почитание святых, – ответил Дарио. – Так как ты выходишь замуж за одного из них, то должна знать, что на нашем острове особо почитается лик Мадонны. Поэтому на Сицилии вмонтированные изображения Мадонны в стену храма или в горную породу вдоль дороги ты увидишь везде. Существует даже поверье, если путник при въезде в город или при выезде из него

не поприветствует Мадонну, – его ждет неудача.

Сицилийцы считают, что Святые стоят ближе к простым людям, поэтому охотнее могут помочь в решении мелких бытовых проблем, так как понимают их. До сих пор на Сицилии Святых просят остановить засуху, землетрясения. Доходит до того, что на юге Италии практически каждый квартал образует культ поклонения своему Святому. Но самый почитаемый на Сицилии – Сан Джузеппе.

Дана повернулась ко мне и столько было укоризны в ее глазах, что она услышала всё это не от меня, особенно перед поездкой на Сицилию, что я поспешил оправдаться, объяснив, что очень далек от этого, и, хотя принадлежу к католической церкви, участия в сицилийских религиозных праздниках не принимаю, поскольку давно живу в Европе.

– Если честно, не помню даже, когда исповедовался, – добавил я и, взяв ее руку, поцеловал пальчики.

– А мне, православной, разрешат венчаться в католической церкви? – встревоженно спросила она. – Я как-то, даже выбирая церковь в Палермо, забыла о том, что мы с тобой разного вероисповедания. Просто непростительно с моей стороны.

По-видимому, Дарио проникся её обеспокоенностью и тут же поспешил успокоить:

– Не волнуйся, Дана, невесты могут быть инославными, в том числе и православными. В вашем случае достаточно, чтобы только жених был представителем католической веры.

А Бретт католик.

– А что есть еще сверх примечательного на вашем острове, кроме действующего вулкана Этна? – поинтересовалась Дана, посмотрев на Дарио.

– О! – воскликнул он. – Существует ещё одна занимательная вещь, которая делает наш остров обособленным. В подземельях сицилийских церквей хранятся мумии умерших людей четыреста лет назад. Этот феномен существует только на Сицилии. Людей начали мумифицировать и сохранять тела, чтобы потомки поклонялись своим предкам. Последний человек, которого мумифицировали восемьдесят лет назад, – Розалия Ломбардо – девочка двух лет, которая лежит сейчас в стеклянном гробу в монастыре Капуцинов в Палермо.

– Зачем это нужно? – удивилась Дайана. – Я бы никогда не захотела после того, как моя жизнь закончится, продолжать лежать мумией в подвале церкви. Если честно, предпочитаю кремацию.

– Не стоит забывать, что смерть – часть сицилийской культуры, – объяснил Дарио. – Еще одним феноменом Сицилии является озеро. «Озеро смерти», как его прозвали местные жители. В этом озере гибнет все, ни одно органическое существо не может быть живым в этом озере. Это озеро является самым опасным на планете. Оно безжизненно, в нем ни рыбы, ни планктона. Даже человек, если искупается в нем, никогда из него не выйдет, так как растворится в нем.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.